

ПОСЛЕДНИЕ ИДЕАЛИСТЫ

Книга первая · Кассиан

АНТОНИКА С.

Антоника С

**Последние идеалисты.
Книга I. Кассиан**

«Автор»

2026

С А.

Последние идеалисты. Книга I. Кассиан / А. С — «Автор», 2026

Франция, 1896 год. Революцию подавили сто лет назад, а магический Дар находится под надзором Королевского министерства. У Кассиана Арно нет Дара, нет громкого имени и нет прошлого, о котором он готов рассказать. Поэтому внезапное назначение кажется ему странным: стать домашним учителем девушки в глухом поместье барона де Лароша. И никто не может объяснить, почему для этой работы выбрали именно его. Его ученица — дочь казнённых предателей. Её Дар нужен не только короне, но и подполью, чьё влияние распространяется далеко за пределы Франции. Корона, подполье и те, кто стоит за ними, уже сделали ставки. Учителю и ученице придётся решить, чем они готовы поступиться ради собственных идеалов, — и какую цену придётся заплатить.

© С А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дом де Ларош	7
Глава 2. Мадемуазель Селестина	17
***	22
***	27
Глава 3. Гарантии	30
***	35
Глава 4. Сен-Мишель	40
***	42
***	51
***	52

Антоника С

Последние идеалисты. Книга I. Кассиан

Пролог

2 октября 1905 г. Париж

Моторный «Панар»¹ мчался по бульварам — дождь хлестал по крыше, колеса взбивали грязь, брызги разлетались в стороны. Редкие прохожие кричали вслед, но Кассиан почти не слышал голосов — все сливалось в один протяжный гул. Графитовыми силуэтами проносились дома. Ядовито-желтый свет фонарей резал уставшие глаза.

Быстрее.

Скомканная телеграмма прожигала карман пальто.

«Тренель 15. Поспешите. К.»

Внутри скручивалась холодная липкая змея, она скользила вверх по позвоночнику, оплетала ребра, стремясь сжать сердце. Накатывала тошнота. Автомобиль вылетел на площадь Людовика XV², сбоку сумрачным росчерком мелькнул обелиск, и вот уже колеса подняли тучу брызг на мосту.

Быстрее.

Кассиана не покидало ощущение дурного сна. Снова он несся сквозь ливень. Снова паника подкатывала к горлу.

Снова.

Впереди показался массив Бурбонского дворца. Уже близко. События последних дней проносились в памяти рваной киноплёнкой.

Он слишком живо помнил, как Селестина ворвалась без стука, и даже под темным кружевом вуали он сразу узнал ее.

Вошла. Нервно бросила на стол сшитые листы и много, торопливо говорила, меря шагами комнату, пока без сил не упала в кресло, едва сдерживая слезы. Кассиан помнил, как до боли сжимались ее пальцы на его плечах, как пронзительно она смотрела ему в глаза и повторяла одно и то же.

Прошу, помогите.

Живот скрутило. Он сжал переносицу, чувствуя, что еще немного и его вырвет.

Мотор заворчал, и Панар остановился у высокого особняка. На воротах мрачно красовался вензель — острая “V”, опутанная королевской лилией.

Кассиан вывалился наружу и едва не упал. Особняк смотрел на него мрачными темными окнами. Он шел, опираясь на трость, которая дрожала в его руке. Бедро пронзала привычная тупая боль.

Кассиан поднялся по мокрым ступеням, толкнул тяжелую дверь, прошел мимо камерди-нера, который не посмел его остановить. Стук трости отдавался торопливой дробью на мраморном полу.

Лестница. Коридор. Снова лестница. Гулкий бой часов прокатился под высокими сводами.

¹ Панар (Panhard & Levassor) — культовая французская марка тяжелых и скоростных автомобилей, бывшая фаворитом европейской элиты. Такие машины управлялись наемными шоферами-механиками и окрашивались каретными лаками, а пассажирский салон отделялся дорогой кожей и шелком.

² площадь Людовика XV — известна в нашей реальности как Площадь Согласия.

Быстрее.

Сердце колотилось.

Кассиан распахнул дверь кабинета и замер на пороге.

В него впились не менее пяти пар глаз. Кто-то воскликнул, он не обратил внимания.

Селестина стояла у камина, опираясь рукой на спинку стула.

Она смотрела в упор. Кассиан заметил, что глаза ее были сухие и красные.

— Прокурор Арно? — ее голос прозвучал ровно. — Не помню, чтобы отправляла приглашение.

Холодная змея обвилась вокруг сердца.

— Нужно поговорить, — сказал Кассиан тихо.

Она смотрела на него несколько долгих секунд. Он ожидал чего угодно — злости, слез, летящих ему в голову подсвечников, проклятий, попыток выцарапать ему глаза. Но взгляд ее оставался безразличным, словно застывший янтарь.

Кто-то из сидящих подал голос, но Селестина пресекла его резким взмахом руки, не отводя от Кассиана взгляда. Затем медленно кивнула собравшимся. Никто не осмелился возразить.

Кассиан замер. Люди обходили его, словно прокаженного, но это не имело значения.

Дверь захлопнулась громко, словно упало лезвие гильотины.

Селестина стояла напротив, спрятав руки за спиной. Кассиан смотрел на нее и не узнавал.

Никакого лоска светской леди в ней не осталось, рубашка, словно с чужого плеча, белела в утренних сумерках и старый медальон на золотой цепочке тускло поблескивал в отсветах камина.

Дождь нервно барабанил по подоконникам.

Селестина едва заметно подняла брови. И осознание ударило под дых.

Какой же он идиот.

Ради чего он сорвался к ней? О чем хотел поговорить? Во всем мире не нашлось бы слов, способных изменить хоть что-то.

Он опоздал.

Снова.

Селестина подняла руку. Черное дуло револьвера смотрело прямо ему в голову.

Кассиан не отступил. Не поднял рук. Страха не было. Осталась только мучительная горечь.

— Что ж, — сказал он. — Я это заслужил.

Глава 1. Дом де Ларош

8 июня 1896 г. Конечная станция к северо-западу от Люмье

Поезд прибыл к восьми утра, отстав от расписания почти на четверть часа.

Проводник объявил: "Конечная!" и подхватил вещи пассажира.

Обычно в вагонах второго класса забота о чемоданах лежала на плечах слуг или компаньонов, но молодой мужчина ехал один.

Это было необычным событием для округа Люмье. В такую глушь обычно ехали рабочие заводов, окруживших город за последние полвека, мелкие торговцы, очень редко — сельские чиновники. Молодой господин явно не относился ни к одной из этих категорий.

Высокий и худощавый, в темном дорожном сюртуке, он скорее напоминал студента. Поблагодарив проводника коротким кивком, мужчина вложил ему в ладонь пятьдесят сантимов³ — не больше и не меньше того, что подобало оставить приличному человеку, и сошел на перрон.

Паровоз протяжно загудел.

Из последних вагонов торопливо выбрались несколько крепких мужиков с грязными мешками и пара неброско одетых женщин. Они быстро скрылись в распахнутых дверях галереи.

Молодой мужчина окинул станцию взглядом.

Небольшой перрон упирался в длинное кирпичное здание, облицованное светло-желтой штукатуркой. Местами она вздулась от сырости, а кое-где осыпалась вовсе. Центральная часть имела два этажа и типичные для провинции арочные окна. Правое крыло казалось значительно короче левого, словно строителям не хватило кирпича.

Он поморщился.

У входа в здание на чугунной скамейке сидел смотритель — приземистый мужчина преклонных лет в зеленом кителе, его фуражка с потертым алым кантом лежала рядом. Он неторопливо раскуривал короткую трубку и с интересом разглядывал прибывшего.

— Доброе утро, месье! — окликнул он неожиданно громким голосом с едва заметным русским акцентом. — Это не для вас, случайно, требовали снарядить повозку?

Новоприбывший подошел ближе.

— Доброе утро. Полагаю, что для меня.

Смотритель выпустил облачко дыма.

— Значит, Кассиан Арно — это вы.

Фраза не звучала как вопрос, но Кассиан коротко кивнул. Смотритель хмыкнул.

— Позвольте докурить, месье. Только забил, не хотелось бы табаком разбрасываться

— Я спешу, — спокойно заметил Кассиан — Меня ожидает барон де Ларош. Поезд и без того задержался.

Смотритель снова выпустил дым в сторону.

— Не волнуйтесь, месье Арно. Поезд еще ни разу не прибывал вовремя, господин барон знает это лучше меня.

Он похлопал ладонью по лавке рядом с собой.

— Присядьте. Пара минут, и ваши лошади будут готовы.

Кассиан остался стоять.

³ Сантим — мелкая разменная монета, равная одной сотой части франка.

Смотритель пожал плечами так, словно иного не ожидал. Где-то за станцией стрекотали кузнечики. Старые часы над входом показывали четверть девятого. Кассиан машинально отметил, что стрелка слегка подрагивала.

Похоже, даже часы здесь работали спустя рукава.

Из галереи вышел молодой конюх в пыльной жилетке и что-то крикнул смотрителю. Тот лениво повернул голову.

— Готов? — крикнул он.

— Почти!

— Вот видите, месье Арно, — смотритель развел руками. — Почти.

Кассиан промолчал. Ему начинало казаться, что вся округа живет этим словом. Никакого уважения ни к своему, ни к чужому времени.

Старик окинул взглядом дорожный сюртук Кассиана, его чемодан и аккуратно повязанный галстук.

— Учитель, значит, — протянул он, выпуская дым в рыжие с проседью усы.

— Да.

— Для Селестины.

Кассиан сдержанно кивнул. Конечно, к кому еще здесь могут прислать учителя из столицы, как не к Селестине Авриль, подопечной барона де Ларош. А, точнее, к последней живой наследнице рода де Вальмон.

— Вы хорошо ее знаете? — спросил Кассиан. Раз уж ему придется простоять тут еще неизвестно сколько, хотя бы узнает что-то о своей будущей ученице.

— Тут все друг друга знают.

Старик с разочарованным причмокиванием вытряхнул сторевший табак

— И какая она?

Старик посмотрел на него с легким удивлением и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Любопытная.

— Это все?

— О, месье, нам и этого хватает, — уже в открытую хохотнул смотритель. Кассиан вопросительно поднял бровь. Старик повернул трубку к часам на фасаде станции.

— В прошлом году отставать стали. А у нас мастеров таких тонких дел нет. Сами понимаете, мы тут больше по земле работаем. Думали уж ладно, приедут с Люмье описывать урожай, так мы и попросим, чтоб кого прислали, мастеровитого. А Селестина в тот же вечер прискакала и разобрала механизм.

Кассиан снова оглядел циферблат. Довольно большой. Слабо верилось, что пятнадцатилетняя девчонка с таким бы справилась.

— А там шестерни — с голову, — словно подтверждая его мысль, смотритель показал руками окружность, — я уж думал как буду объясняться, случись что. Она еще одну чуть на Рени не уронила. Благо отпрыгнуть успел.

Старик хохотнул. Кассиан его веселья не разделял.

— И чем все закончилось?

— Собрала обратно, — смотритель сказал это таким тоном, словно сообщал, что трава зеленая. Кассиан недоверчиво прищурился.

— Она их починила?

Собеседник хмыкнул.

— Как видите.

Он посмотрел на часы с явным одобрением, будто речь шла о каком-нибудь выдающемся достижении.

Кассиан снова поднял взгляд к циферблату и сверил время на своих карманных часах. Восемь минут. Ровно настолько спешили часы станции, а дрожащая стрелка постепенно увеличивала это время.

Впрочем, вслух он этого не сказал.

— Смело для юной девушки, — заметил он.

Старик кивнул, но больше ничего говорить не стал и спрятал трубку в карман.

Кассиан убрал свои часы. В нем укрепилось худшее опасение — помимо учителя ему придется быть нянькой.

Отлично.

Воздух становился гуще, жара давила на плечи. Сорочка неприятно липла к телу. Над ухом звенела мошкара.

Наконец, в проходе появился тот же щуплый малый в пыльной жилетке поверх конопляной рубахи, которая явно была ему мала.

— Экипаж готов, можем ехать, — звонко отрапортовал он, вытягиваясь по струнке под одобрительным взглядом смотрителя.

— Пойдемте провожу вас, местье, — старик тяжело поднялся и направился ко входу в короткое крыло галереи, знаком показав конюху подхватить скромный багаж Кассиана.

Повозка уже стояла на дороге, запряженная парой рыжих лошадей. Смотритель без суеты обошел упряжь, проверил ремни, потрогал колесо и только потом кивнул конюху.

— Поедет.

Конюх принялся грузить багаж.

— Далеко до усадьбы? — спросил Кассиан.

— Часа два. Если за деревней дорогу после грозы не развезло, — спокойно ответил старик, доставая трубку.

— И сильно ее развозит?

Смотритель покосился на него из-под густых бровей.

— Не переживайте, местье Арно. Еще никто не утонул.

— Обнадеживает.

Старик усмехнулся.

— Зря вы так. Места у нас хорошие.

— Верю.

По тону было ясно, что не верит. Смотритель лишь пожал плечами.

— Что ж, благодарю за компанию, — Кассиан вежливо кивнул, забираясь в экипаж.

— Счастливого пути, местье Арно.

Когда повозка наконец тронулась с места, смотритель остался стоять, попыхивая трубкой. И лишь когда его фигура скрылась за поворотом, Кассиан позволил себе тихо выругаться.

Дорогу за деревней не просто развезло — она превратилась в сплошное месиво из грязи, воды и сломанных веток. Где-то на середине пути повозка намертво застряла в глубокой колее, и конюх, как выяснилось тот самый Рени, вынужден был распрягать одного из коней и возвращаться в деревню за подмогой.

Сам Рени, впрочем, неприятностей словно не замечал.

Он болтал почти без остановки, то и дело ерзая на козлах. Видимо желая произвести впечатление на нового человека, сперва рассказал про озеро, где водились самые крупные карпы во всей округе. Потом про мельницу, пережившую войну и три пожара. Затем про заброшенный колодец у леса и кладбище при церкви, с фамильным склепом семьи де Ларош. Не обошлось без мистификаций — Рени, понизив голос, поведал Кассиану о том, что в убывающую

луну из склепа выходит призрак старой баронессы и воет от тоски, требуя принести ей вина и курительную трубку.

Кассиан терпел и вежливо односложно отвечал. Убеждать деревенщину в том, что призраки не более чем выдумка могильщиков он не считал нужным.

К счастью, запас местных легенд на призраке и закончился. Остаток пути прошел в благословенной тишине.

Дорога постепенно поднималась вверх. Леса становилось меньше. Вокруг раскинулись холмы, покрытые высокой травой и цветными пятнами люпинов. В стороне от дороги, на холме, белела церковь. На шпиле колокольни поблескивал жестяной петух. Кладбища с дороги видно не было.

— Месье, почти приехали! — неожиданно оживился Рени.

Кассиан поднял взгляд.

Впереди, на возвышенности, зеленели густые заросли сада. За ними виднелась темно-синяя крыша усадьбы с крупной проплешиной в сланцевых плитках, над которой поднимались две печные трубы, из одной в небо вился едва различимый сизый дымок.

Арно невольно прищурился.

Пусть де Ларош были лишь дальними родственниками де Вальмонов, давно потерявшими свое влияние и почти забытыми в приличном обществе, Кассиан ожидал увидеть нечто более внушительное.

Не замок, разумеется. Но хотя бы большой особняк с парком и фамильной часовней.

Усадьба же выглядела значительно скромнее.

Даже отсюда было видно, что дом невелик. Двухэтажный, вытянутый, цвета желтоватого известняка с высокой мансардной крышей.

Кассиан подавил вздох. Повозка неторопливо выехала к воротам.

Створки давно вросли в землю и покрылись благородной ржавчиной, их обвивал дикий плющ, расплзаясь по всей ограде.

Повозка миновала ворота и, проехав в тени вековых платанов, остановилась у главного входа на круглой площадке, покрытой гравием, сквозь который пробивались упрямые травинки. В центре двора раскинулся старый фонтан — его каменная чаша давно покрылась мхом, а в самом фонтане кто-то додумался хранить тележные колеса.

Рени спрыгнул с козел и принялся разгружать багаж. Кассиан выбрался следом, разминая затекшие ноги и оглядываясь вокруг.

На углу дома, по стене которого тяжелой шторой спускался дикий виноград, молодая женщина развешивала белье. Возле сарая с покосившейся крышей возился мальчишка лет пяти. Несколько кур совершенно безнаказанно разгуливали по клумбам. Аромат цветов причудливо смешивался с резким запахом конюшни и нагретого солнцем камня.

У входа стояла полная женщина в темно-сером платье и маленькой шляпке. Даже на расстоянии чувствовалось, что улыбаться она не любит.

— Господи, наконец-то, — произнесла она вместо приветствия. — Мы уже начали думать, что вы свернули себе шею по дороге.

Кассиан подошел ближе и снял шляпу.

— Мадам баронесса де Ларош?

— К сожалению.

Она протянула руку в тонкой кремовой перчатке.

— Элоиза де Ларош. Тетя Селестины.

Кассиан вежливо коснулся ее пальцев и чуть склонил голову. Женщина осмотрела его с головы до ног так внимательно, словно покупала лошадь.

— Выглядите неважно, — вынесла она вердикт. Кассиан моргнул.

— Простите?

Она махнула рукой.

— Надеюсь, вы любите чай. Господин барон решил, что с дороги вас необходимо напоить минимум тремя чашками.

— Двумя! — донеслось откуда-то сверху.

Кассиан поднял голову.

Из окна второго этажа высунулся мужчина лет пятидесяти с растрепанными седыми волосами. Его голова напоминала одуванчик, пух которого не до конца слетел.

— Тримя только если он сам попросит!

Элоиза подняла глаза. Окно тут же захлопнулось. Во дворе наступила тишина.

— Мой супруг, — сухо пояснила она.

Кассиан начал подозревать, что годы ему предстоят весьма интересные.

— Пройдемте в дом, месье Арно.

Она уже развернулась к двери, когда из глубины сада раздался громкий треск. Затем чей-то возмущенный возглас.

Мадам медленно закрыла глаза.

— Что на этот раз? — спросила она в пространство.

Из-за угла дома выбежал запыхавшийся мальчишка.

— Мадам!

— Что случилось?

— Мадемуазель опять была на мельнице!

Губы Элоизы вытянулись в напряженную ниточку. Мальчишка чуть сконфузился и продолжил:

— И месье Поль сказал, что если она еще раз полезет в механизм, то он увольняется.

Мадам де Ларош глубоко вздохнула.

У Кассиана зародилось нехорошее предчувствие.

— Прошу прощения, месье Арно, — произнесла Элоиза с каменным выражением лица.

Со стороны хозяйственных построек показался высокий плечистый мужик. Он быстро шагнул через двор, удерживая за локоть девицу в грубой рубашке из парусины и мальчишеских бриджах. Она едва поспевала за широким шагом мельника в своих огромных, явно не по размеру, сапогах.

— Нет, вы меня даже не дослушали! — возмущенно восклицала она, стараясь удержать на голове кепи, подозрительно похожее на форму рабочих с железной дороги.

— И не собираюсь! — рявкнул мужчина.

— Но если бы вы посмотрели...

— Мадемуазель, я тридцать лет работаю на этой мельнице!

— Так потому вы и не заметили очевидного!

Мельник остановился у крыльца и наконец отпустил ее руку.

— Вот! Забирайте!

Баронесса даже не моргнула.

— Что произошло, Поль?

— В механизм она полезла!

— Я не полезла, — от возмущения девушка едва не топнула ногой.

— А защитный кожух?

— Я его открутила.

— Вот видите!

— Потому что колесо работало неправильно!

— Так его вчера бурей потрянуло!

— Нет, не поэтому!

— С чего вам знать?!

— Я же посмотрела!

Поль беспомощно всплеснул руками.

— Смотрят глазами, мадемуазель, глазами! У вас их все еще два! А вы полезли руками! Внутрь механизма!

Он повернулся к Элоизе.

— Мадам, я вас очень уважаю. Но если мадемуазель еще хоть раз явится на мельницу, ищите нового арендатора.

— Принято к сведению.

— Нет, правда...

— Верю вам, Поль.

— Это уже четвертый раз за месяц.

— Третий, — поправила Селестина.

Мадам де Ларош медленно повернула голову. Девушка благоразумно опустила глаза и только теперь заметила незнакомца.

Где-то на клумбе возмущенно закудаhtала курица.

— Великолепно, — произнесла мадам — Просто великолепно.

Поль повернулся и, увидев Кассиана, смущенно потупил взгляд.

— А... Простите, месье.

— Ничего страшного. Полагаю, знакомство все равно пришлось бы начинать рано или поздно, — отмахнулась Элоиза и повернулась к гостю.

— Месье Арно, прошу прощения за эту сцену.

— Не стоит, — Кассиан изо всех сил старался сохранить вежливое выражение лица.

— Позвольте представить вам вашу ученицу. Моя племянница — мадемуазель Селестина де Ларош.

Девушка неожиданно выпрямилась, быстрым движением пригладила растрепанную косу и сделала вполне приличный реверанс.

— Рада знакомству, месье Арно.

После чего протянула руку. Кассиан посмотрел на нее внимательнее. Невысокая и щуплая для своего возраста. Лицо перепачкано как и руки, под ногти въелось черное масло.

Он сделал вид, что не заметил жеста и ограничился коротким кивком.

— Мадемуазель.

Рука Селестины на мгновение замерла в воздухе и она невозмутимо опустила ее обратно.

Мадам де Ларош проследила за этим обменом любезностями и прикрыла глаза еще раз.

— Кристина!

Из-за угла почти сразу появилась высокая молодая женщина в простом сером платье и белом переднике. Из под ее чепчика выбилась белокурая прядь.

— Да, мадам?

— Проводи мадемуазель наверх. И проследи, чтобы через полчаса она выглядела как человек.

— Да, мадам.

Кристина улыбнулась. Судя по всему, подобные распоряжения были ей привычны.

— Пойдемте, мадемуазель.

— Но я хотела...

— Сейчас же, Селестина, — баронесса повысила голос.

Девушка тяжело вздохнула.

— Да, тетя.

Уже поднимаясь по ступеням, она бросила на Кассиана быстрый любопытный взгляд и исчезла в доме вслед за Кристиной.

— Прошу за мной, месье Арно, — сказала мадам. — Мой супруг ждет нас в гостиной.

Кассиан поднялся вслед за ней по широким каменным ступеням.

Дом оказался до смешного заурядным. В холле стоял большой шкаф для верхней одежды. На подоконнике в глиняном горшке росли какие-то травы, которые с увлечением грыз огромный рыжий кот. У стены расположилась скамья, заваленная книгами и странными свертками.

— Прошу прощения за беспорядок, — произнесла Элоиза, заметив его взгляд. — Мы пытались это убрать, но барону необходимо держать все под рукой.

— Понимаю.

На самом деле он совершенно не понимал. Они прошли дальше по коридору. Из кухни доносился запах свежего хлеба. Где-то наверху слышался девичий смех.

Мадам де Ларош остановилась перед двойными дверями гостиной.

— Жан, наш гость прибыл.

— Наконец-то! — раздался добродушный мужской голос. — А то я уже начал подозревать, что Григорий решил заболтать вас до следующей недели.

Элоиза открыла дверь.

Гостиная оказалась светлой и неожиданно уютной. Большие окна выходили в сад. На столе стоял чайный сервиз светлого фарфора с голубой каймой. Несколько кресел были заняты книгами и газетами.

У окна сидел мужчина, которого Кассиан уже видел с улицы. При их появлении барон немедленно поднялся навстречу. К удивлению Арно, хозяин оказался высоким и крепким — почти с Кассиана ростом, но едва ли не вдвое шире в плечах. Одет барон был в просторную охотничью куртку цвета сухой земли. Кассиан машинально отметил резкий запах кожи, воска и лошадиного пота, исходящий от него.

— Месье Арно!

Рукопожатие у хозяина дома было тяжелым.

— Добро пожаловать в наш дом. Жан де Ларош.

— Кассиан Арно.

— Надеюсь, дорога не убила вас?

— Лишь пыталась.

Жан рассмеялся.

— Значит добрались успешно.

Мадам выразительно посмотрела на мужа.

— Жан.

— Что?

— Месье Арно провел в пути почти четыре часа.

— А.

Барон поморщился.

— Тогда прошу прощения от лица нашего дорожного управления.

— Вы и есть наше дорожное управление, — сухо заметила Элоиза.

— Именно поэтому я прекрасно знаю его недостатки.

Кассиан не удержался от слабой улыбки. Похоже, супружеские перепалки были здесь обычным явлением.

— Прошу, присаживайтесь, — Жан указал на кресло. — Позвольте предложить вам чай.

Кассиан сел. Только теперь он начал чувствовать, насколько устал. Спина болела после тряски, в висках ощущалось слабое давление. Хотелось снять сюртук и забыться сном часов на десять.

— Полагаю, Селестину вы уже видели, — сказал Жан.

— Да.

— Тогда позволю себе сразу принести извинения.

Кассиан вопросительно взглянул на хозяина дома.

Элоиза тихо фыркнула.

Жан сложил руки на животе.

— Вы не подумайте, девочка хорошая...

— Жан, — с нажимом процедила баронесса.

— Что?

— Не заставляйте человека думать, будто мы оправдываемся.

— А мы разве не оправдываемся?

Элоиза бросила на него красноречивый взгляд. Барон кашлянул.

— В любом случае. Селестина ответственна и не глупа. Но, иногда, обладает редким талантом находить неприятности там, где их раньше не было.

— Это я уже заметил, — Кассиан по привычке одернул рукав сюртука.

Элоиза взяла чайник и наполнила чашку Кассиана.

— С сахаром?

— Нет, благодарю.

Кассиан сделал небольшой глоток и прикрыл глаза. Чай оказался неожиданно хорош.

— Полагаю, Совет Академии уже сообщил вам основные детали моего назначения? — спросил он.

— В общих чертах, — сухо ответила Элоиза. — Нам сообщили, что вы будете заниматься образованием Селестины и составлять отчеты для Академии и министерства.

— Верно.

Жан задумчиво покрутил чашку в руках.

— И что именно вы собираетесь изучать?

Вопрос прозвучал спокойно.

— Естественные науки... Дар мадемуазель.

На несколько секунд в комнате слышался только стрекот за распахнутым окном. Кассиан заметил, как побелели пальцы мадам и едва заметно сжались на ручке чашки.

— Боюсь, тут вам особо нечего будет изучать, ме́сье Арно, — наконец сказала Элоиза.

Жан кивнул.

— Да... Теорию Селестина знает прекрасно, тут я ручаюсь. Моя супруга сделала все возможное. А вот что до самого Дара... — он развел руками, — если он у нее вообще когда-либо был, то давно на стадии вырождения. Тень былого, не более.

— Мы, разумеется, благодарны Академии, — быстро добавила Элоиза, — за такой щедрый порыв. И мы благодарны вам...

— Само собой, — подхватил Жан. — Не подумайте ничего. Просто вся эта суэта... — он сделал неопределенный жест рукой, — право, излишняя. Не хотели бы мы тревожить вас по таким пустякам, ме́сье Арно, да Министерство распорядилось.

Кассиан удивленно переводил взгляд с мадам на барона. Перед отъездом он получил совершенно иные сведения.

— Насколько мне известно, мадемуазель является одаренной, и ее дар, вероятно, унаследован от отца.

Элоиза медленно поставила чашку на блюдце. Жан перевел тяжелый взгляд на гостя, его крупная ладонь сжала подлокотник.

— Вам сообщили об этом в министерстве?

— Разумеется.

— И вы верите?

Кассиан нахмурился.

— Простите?

— Селестина росла на наших глазах, месье Арно. Мы видели как проявлялся ее дар, если это вообще можно так назвать. Нет никаких доказательств, что ее Дар действительно похож на Дар ее отца.

— Однако Совет придерживается именно этой версии.

— О, совет много лет придерживался самых разных версий, — голос мужчины прозвучал неожиданно резко, — и лучше бы остановился на той, в которой Селестина погибла в приюте от чахотки.

Элоиза бросила на мужа напряженный взгляд. Жан резко замолчал.

Кассиан поставил чашку на блюдце. Разговор начинал заходить в опасное русло.

— Господин барон, — аккуратно начал он, — совет предполагает, что дар де Вальмон был унаследован, и, моя задача также состоит в том, чтобы понять истину. Если ее способности действительно на грани вырождения, это может быть не менее опасно, чем полное наследование дара, а...

— Послушайте, месье Арно, — Жан поднял ладонь, пресекая возражение, — мы не собираемся мешать вашей работе. Не собираемся спорить с Академией и, упаси Господь, с министерством.

— Тогда в чем проблема?

Вопрос вырвался прежде, чем он успел его обдумать. Элоиза опустила взгляд. Жан некоторое время молчал.

— Вы еще довольно молоды, месье Арно. Сколько вам лет, двадцать пять?

— Двадцать семь.

Жан внимательно посмотрел ему в глаза и добавил совсем тихо.

— Судя по тому, что министерство назначило учителем именно вас — вы весьма талантливы, и, смею предположить, амбициозны. Поймите нас правильно, месье Арно. — Жан поставил чашку на стол. — Я знаю, что Дар бывает опасен, не хуже вас.

Он ненадолго замолчал, бросив быстрый взгляд на жену. Кассиан невольно выпрямился. Хотелось высказаться, но интуиция подсказывала придерживаться язык. Жан вновь обратился к гостю, внимательно глядя ему в глаза.

— Я лишь прошу вас помнить, что Совет Академии и лично профессор Мальзерб письменно гарантировали безопасность Селестины.

— Вы мне не доверяете?

Жан невесело усмехнулся.

— Я землевладелец, месье Арно. Если я требую расписку, это редко говорит о доверии. Но не принимайте близко к сердцу. Будь на вашем месте даже Его Величество, я сказал бы то же самое.

Кассиан отвел взгляд и устало потер переносицу, наблюдая как солнечный луч падает на каминную полку. Бронзовые часы показывали полдень. Где-то вдали послышался звон церковного колокола. Три удара. Снова три.

В висках неприятно пульсировало. Полтора дня в дороге давали о себе знать, а этот разговор вытянул из него последние силы. Еще минуту тишину в гостиной нарушал лишь доносящийся с холма перезвон и стрекот за окнами.

Когда колокол стих, Элоиза тихо выдохнула и сложила руки на коленях.

— Думаю, месье Арно, вам следует сперва отдохнуть. Наверняка вы устали в пути.

Жан одобрительно кивнул, возвращая на лицо добродушное выражение.

— Для вас подготовлена комната. Я распорядился насчет горячей воды, Кристина проводит вас, — добавил он.

— Благодарю.

В голосе Кассиана прозвучало искреннее облегчение.

— Ужин в семь часов, — добавила Элоиза. — Думаю, к этому времени вы успеете немного отдохнуть.

Кассиан поднялся.

Жан тоже встал и протянул руку.

— Несмотря на наше не самое удачное начало, мы рады вам, месье Арно.

— Я тоже рад знакомству.

— И не переживайте из-за Селестины. Когда возникнут сложности, обращайтесь ко мне.

Кассиан отметил это “когда” и обреченно улыбнулся.

— Благодарю.

Баронесса окликнула Кристину и девушка появилась в дверях почти сразу.

— Прошу за мной, месье.

Они вышли в коридор.

Внутри дом оказался больше, чем выглядел снаружи. Кассиан последовал за Кристиной по широкой деревянной лестнице. Поднимаясь на второй этаж, он вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд.

Мужчина остановился. Из-за деревянных перил на него смотрели огромные любопытные глаза. Заметив, что ее обнаружили, девушка отвернулась и быстро исчезла в коридоре.

— Простите, месье, — невозмутимо сказала Кристина, услышав торопливые шаги — Мадемуазель с утра ждала вашего приезда.

Кассиан промолчал, сделав еще одну нелестную мысленную замечку.

Они прошли почти до конца коридора и Кристина распахнула перед ним тяжелую дверь, за которой открылась просторная комната. Его чемодан был аккуратно поставлен у большой кровати.

— Ванна в конце коридора, будет готова через двадцать минут. Если что-то понадобится, позовите меня, — Кристина сделала книксен и оставила его.

Кассиан опустил на постель, предвкушая горячую ванну и долгий сон.

Глава 2. Мадемуазель Селестина

8 июня 1896 г. Поместье де Ларош

То ли полтора дня в пути, то ли свежий сельский воздух так подействовали на Кассиана, но он отлично выспался и проснулся за час до ужина. Солнечные лучи играли на выцветшем зеленом балдахине, и, прищурившись, можно было вообразить, что лежишь на лесной опушке, наблюдая за игрой света в листве.

Кассиан медленно растер лицо ладонями, прогоняя остатки сна и огляделся. Кассиан медленно растер лицо ладонями, прогоняя остатки сна и огляделся.

У окна стоял массивный письменный стол с фарфоровой чернильницей в виде головы охотничьей собаки и тяжелым бронзовым подсвечником. Кожа на кресле потрескалась от времени. На полу лежал персидский ковер, протертый почти до основы.

По сравнению с его жильем в Сен-Жерве спальня казалась вызывающе просторной. Вся его съемная квартира легко поместилась бы здесь целиком.

И оттого комната смотрелась нелепо.

Дома почти каждая вещь была дешевле, зато новее. Здесь же в углу стоял старый комод красного дерева с круглым зеркалом-псише. На нем уже ждали кувшин с водой, таз для умывания и полотенце с вышитой монограммой де Ларош.

Кассиан поморщился.

Он уже успел забыть, насколько неудобно пользоваться кувшином вместо водопровода.

К тому же вода оказалась ледяной и пока он умывался, пальцы рук едва не отнялись.

Нужно было собраться к ужину. Он достал из дорожного несесера бритву с рукоятью из черного дерева. Лезвие скользило по коже короткими, выверенными движениями. Он брился почти не глядя и, закончив, провел пальцами по подбородку — идеально.

Потом подошел к креслу, где разложил одежду.

Выбор был невелик — всего два костюма, но оба сшиты у хорошего портного. Он долго копил на них, и каждая деталь была продумана до мелочей. Для ужина он выбрал темно-серый сюртук, с бархатным воротником и узкими лацканами.

Он надел сорочку из тонкого батиста — накрахмаленную, с высоким воротником-стойкой, который требовал определенного положения головы, чтобы не сдавливать шею. И повязал черный шелковый галстук.

Булавка у него была всего одна — серебряная, с темно-синим кабошоном, который стоил дешево, но выглядел достойно.

Волосы после сна топорщились жесткой темной соломой, и Кассиан достал из несесера оловянную тубу с бандолином. Открутил латунный колпачок и тут же ощутил горьковатый запах бергамота. Он растер желе между ладонями и принялся укладывать пряди гладко, на косой пробор.

Когда приготовления были закончены, Кассиан щелкнул запонками, затянул узел галстука еще туже и вышел в коридор.

В доме пахло свежим хлебом. Где-то внизу звенела посуда, слышались приглушенные голоса. Он спустился по лестнице, миновал холл, и направился на звук.

Перед самой столовой он сделал глубокий вдох и открыл дверь.

Столовая оказалась небольшой и узкой комнатой с высоким потолком, окна выходили в сад, и сквозь стекла уже сочились лиловые сумерки — горели свечи в медных подсвечниках, отбрасывая пляшущие тени на стены, обитые выцветшим штофом.

Стол был накрыт на четверых.

Жан и Элоиза уже сидели на своих местах. Хозяин дома — в поношенном, но аккуратном сюртуке, с газетой, которую он поспешно отложил при появлении гостя.

Элоиза тоже переоделась к ужину. На ней было нарядное платье с едва уловимой розоватой искрой. Седые волосы гладко зачесаны в пучок, на шее — нитка тусклого настоящего жемчуга.

Кассиан отвел взгляд, чтобы не показаться наглым.

— Месье Арно, — Жан поднялся и указал на кресло, — прошу, присаживайтесь.

— Благодарю, господин барон.

Кассиан занял свое место. Кресло оказалось глубоким, с высокой спинкой. Он выпрямился, чтобы не утонуть в обивке.

— Вы выглядите отдохнувшим, — заметила Элоиза.

— Сказалось отсутствие тряски, мадам. И ваш воздух.

— Воздух у нас хороший, это правда, — кивнул Жан. — Как и наша сливовая водка. Если хотите перед ужином, налить?

— Благодарю, я не пью крепких напитков.

— И правильно. В ваши годы я тоже не пил, — Жан усмехнулся в седые усы. — А потом женился.

Элоиза метнула на мужа короткий раздраженный взгляд.

— Не мучьте человека, Жан.

— Я просто предлагаю.

В этот момент дверь отворилась и вошла Кристина с супницей в руках. Она аккуратно поставила ее на край стола, поймала взгляд Кассиана и чуть улыбнулась краешком губ.

Следом за ней появилась Селестина.

Она была в легком голубом платье, с юбкой, которая уже закрывала щиколотки. Рукава — объемные, буфами, как сейчас носили в столице, делали ее плечи шире, а шею еще тоньше. По всему было видно: платье надевали редко, возможно, второй или третий раз. Селестина чувствовала себя в нем неуютно — то и дело едва заметно дергала плечами.

Волосы, еще утром растрепанные, были аккуратно уложены — передние пряди заколоты на затылке, остальные струились по спине тугими каштановыми локонами.

На руках у нее были перчатки.

Белые, тонкие, кружевные — такие надевают к вечернему платью. Кассиан догадался зачем.

Он посмотрел на ее лицо. Без сажи она оказалась весьма миловидной. Правильный разрез глаз, почти кукольные губы, нос с небольшой горбинкой. Но сами глаза — цвета гречишного меда, с темной каймой, большие и слишком внимательные — портили весь образ. В них читалась не наивная девичья мечтательность, а настороженность охотника, который изучает местность в поисках шустрой дичи.

Девушка присела в коротком реверансе и заняла свое место рядом с тетей. Ее манеры оставляли желать лучшего. Спина чуть ссутуленная, локти положила на стол, тут же поймав страшный взгляд Элоизы и выпрямилась, чинно положив руки на колени.

— Добрый вечер, — сказала она ровным светским тоном.

— Добрый вечер, мадемуазель.

— Выспались? — спросила она, берясь за ложку.

— Вполне, благодарю.

Начали с супа. Элоиза разлила бульон цвета старого янтаря. Селестина потянулась к хлебной корзине и Кассиан заметил, как она ловко, почти незаметно, стянула перчатку с правой руки, потом с левой и положила их на колени. Пальцы ее были чистыми, но под ногтями еще темнели тонкие черные полоски. Машинное масло въелось так глубоко, что бедная Кристина не смогла бы отмыть его за один вечер.

Селестина, кажется, не обращала на это внимания.

— А я вот нет, — сказала она, отправляя в рот ложку супа. — Все думала, что вы за человек. Тетушка сказала вы прибыли из столицы. О-очень загадочно.

— Ничего загадочного, — ответил Кассиан, следя, чтобы его голос не дрогнул. — Я действительно из Парижа. Служу в министерстве, читаю право в Объединенной Королевской Академии.

Селестина посмотрела на него в упор — не смущаясь и не пряча взгляд, как положено воспитанной девушке.

Он сжал зубы отводя глаза — пялиться на девушку, пусть и невесть какого воспитания, ему не позволяли ни возраст, ни положение.

Кассиан уткнулся в тарелку.

— Значит вы будете меня *обучать*? — спросила она, выделяя последнее слово едва заметной усмешкой.

— Селестина, — тихо сказала Элоиза.

— Что? Я просто интересуюсь.

— Именно так, мадемуазель, — Кассиан отложил ложку и выпрямился, чувствуя, как воротник сорочки давит на шею. — Завтра мы начнем занятия.

— И чему именно вы собираетесь меня обучать? История, литература, этикет? — она уже открыто усмехнулась и Кассиан понял, что она прекрасно знает и как сидеть за столом, и как разговаривать с гостем.

Он вздохнул. Будет сложнее, чем ему бы хотелось.

— Всему, что положено знать молодой особе вашего круга, — сказал он, придавая голосу ровную интонацию. — История, литература, математика, углубленное изучение естественных наук. И, разумеется, работе с *Даром*.

Кассиан заметил как раздраженно дернулся уголок ее рта.

— С *Даром* я как-нибудь сама, — бросила она, поднося ложку ко рту.

— Боюсь не получится, мадемуазель.

Она подняла на него глаза.

— Это почему же?

— Потому что я здесь именно для этого. И если вы хотите когда-нибудь уехать в большой мир — а мне почему-то кажется, что хотите, — вам придется научиться контролировать ваш *Дар*.

Она замерла на секунду. Ложка так и застыла в воздухе.

Жан переглянулся с женой. Элоиза медленно поставила бокал.

— Месье Арно, — начала было баронесса, но Кассиан мягко ее перебил:

— Я не настаиваю на немедленных упражнениях, мадам. Но откладывать в долгий ящик то, от чего зависит здоровье мадемуазель, мы не можем.

— Мое здоровье вас не касается, — отрезала Селестина.

— Касается. Потому что без контроля *Дар* будет разрушать вас изнутри. Вы должны это понимать.

Она побледнела. Девичьи пальцы сжались на краю столешницы.

Селестина раскрыла рот, чтобы ответить, но Элоиза ее опередила.

— Достаточно, — сказала мадам де Ларош ледяным тоном, глядя не на племянницу, а на Кассиана. — Месье Арно, мы все обсудим завтра, после занятий. За ужином такие разговоры неуместны.

— Согласен, мадам. Прошу прощения.

Он склонил голову, принимая выговор, и вернулся к еде.

Селестина еще с минуту сидела не двигаясь, глядя в свою тарелку. Потом медленно выдохнула, взяла ложку и продолжила есть безо всякого аппетита.

— Месье Арно, — Жан подвинул к гостю графин с янтарной жидкостью, — попробуйте наш местный сидр. Моя гордость.

— Благодарю, — Кассиан протянул бокал. Сидр оказался терпким, кисловатым, с легкой горчинкой — совсем не похожим на сладкие столичные подделки.

— Селестине, — Жан обратился к Кристине, — налей сиропа. Сидр ей еще рано.

Селестина протянула свой бокал, потом глянула на дядю, вздохнула и добавила:

— И воды. Тетушка говорит, я пью слишком много сиропа, и у меня от него прыщи.

Элоиза метнула на нее уничижительный взгляд, но промолчала. Кристина молча разбавила сироп водой из кувшина, старательно сдерживая улыбку.

Разговор перетек в другое русло. Жан заговорил о видах на урожай, сетовал, что дожди в этом году слишком затяжные. Кассиан кивал, вставлял односложные «да», «разумеется», «понимаю», и чувствовал, как на лбу горит точка — там, где взгляд Селестины то и дело возвращался к нему.

Она больше не усмехалась.

Когда подали десерт — печеные яблоки с медом и грецкими орехами, — Жан откинулся на спинку стула, погладил живот и спросил:

— Месье Арно, а вы семейный человек?

— Нет, господин барон.

— И по вам не будет тосковать невеста в столице?

Кассиан позволил себе легкую усмешку.

— Моя невеста — наука. К счастью, она не ревнует, но и приданого за ней нет.

Жан громко рассмеялся. Элоиза едва заметно покачала головой — то ли осуждая мужа, то ли саму шутку.

Селестина не улыбнулась. Она аккуратно доела яблоко, вытерла губы салфеткой и поднялась.

— Благодарю за ужин, — она перевела взгляд на Кассиана. — Месье Арно, завтра в восемь я буду ждать вас в библиотеке. Доброй ночи.

— Доброй ночи, мадемуазель.

Она кивнула — сухо, без кокетства и вышла из-за стола, не оглядываясь.

В столовой повисла тишина.

— Она не злая, — сказала наконец Элоиза, глядя на дверь, за которой исчезла племянница. — Но, как и подобает прекрасным цветам, достаточно колючая.

— Я заметил, мадам.

— Вы с ней справитесь? — спросил Жан, наливая себе еще сидра.

Кассиан подумал.

— Да.

У меня нет выбора.

— Тогда хорошо, — Жан поднял бокал. — За попытку?

— За попытку, — поддержал Кассиан без энтузиазма.

Элоиза взглянула на них с выражением, которое трудно было назвать одобрительным, но промолчала.

Кассиан допил сидр, поблагодарил за ужин и поднялся к себе.

В комнате он долго сидел за письменным столом, глядя на чистый лист блокнота. Потом взял перо и написал:

«Мадемуазель де Вальмон обладает живым умом, но излишней прямоотой и склонностью к демонстративному нарушению этикета. Вопрос о Даре вызывает у нее резко негативную реакцию, вероятно, связанную с болезненным опытом в прошлом.

Рекомендуется постепенное вовлечение в работу с Даром, избегая прямого давления».

Он помедлил, потом добавил:

«Внешне — миловидна»

Кассиан перечитал последнюю фразу, нахмурился и зачеркнул ее одной жирной линией. Потом задул свечу и лег спать.

В темноте он долго ворочался, слушая, как за окном шумит ветер в яблоневых ветвях.

В Париже ночь никогда не бывала тихой. Даже в самые глухие часы за стеной слышались шаги и перепалки соседей. Город не умел молчать, он всегда говорил: шагами, звонками, скрипом колес по мостовой, цокотом копыт, руганью консьержей, гулом воды в трубах. Кассиан настолько привык, что этот шум, казалось, давно въелся ему в кожу.

Оттого такой оглушительной и почти жуткой казалась ему тишина в большом доме.

Кассиан проснулся от крика петухов и ровно в восемь спустился в библиотеку.

Селестина уже сидела за столом. Перед ней лежала тетрадь, остро заточенный карандаш и стопка книг

Не застань он вчерашнюю сцену с мельником, Арно решил бы, что перед ним вполне благовоспитанная юная мадемуазель. Скромное платье, аккуратно собранные волосы, пальцы чисто вымыты, хотя под ногтями все еще темнели тонкие черные полосы.

— Доброе утро. Вы ранняя пташка, мадемуазель, — одобрительно сказал Кассиан, закрывая за собой дверь.

— Вы тоже, месье.

Увы, манеры остались те же.

Кассиан сел напротив, и осмотрел учтиво подготовленный для него письменный набор. Селестина наблюдала за ним как настороженная кошка. Не нарушая тишины, он достал из портфеля собственный серебряный карандаш, свою тетрадь для заметок, и лишь после этого посмотрел на ученицу.

— Без предисловий. Я должен уточнить уровень ваших знаний, чтобы понимать, с чем предстоит работать. Поэтому я буду задавать вопросы по разным предметам. Отвечайте быстро. Если не знаете — говорите прямо. Договорились?

— Договорились.

Она чуть подалась вперед. В глазах мелькнул азарт.

— Начнем с истории. Кто подписал Верданский мирный договор?

— Король Луи-Филипп Третий и канцлер фон Гросс, — ответ вылетел мгновенно. — В тысяча восемьсот двадцать четвертом, после войны за гессенское наследство.

— Год основания Объединенной Королевской Академии?

— Тысяча семьсот девяносто третий.

— В каком городе?

— В Люмье. Изначально как королевское общество по изучению природных феноменов. В девяносто седьмом его разделили на Академию и Министерство по делам одаренных.

Кассиан сделал пометку в блокноте.

— Причины вырождения Дара? — спросил он, глядя ей прямо в глаза.

Селестина на секунду замаялась.

— Эволюция, — сказала она осторожно. — Дар стал рудиментом. Плюс охота на ведьм в Средние века — уничтожали простолюдинов с Даром, чтобы закрепить магию за аристократией. — Она чуть усмехнулась. — Только аристократии это вышло боком. Наследственность обеднела, и Дар начал вырождаться быстрее.

— Неплохо.

Она вскинула бровь.

— Неплохо?

— Не зазнавайтесь. Дальше.

Он перескочил на физику.

— Закон сохранения энергии.

— Энергия не возникает из ничего и не исчезает в никуда, лишь переходит из одной формы в другую.

— Применительно к Дару?

— Дар использует энергию организма. После воздействия она становится частью того, на что воздействовали. — Она нахмурилась. — Но никто не придумал, как это измерить.

— А ранги, по-вашему, что измеряют?

Она прикусила губу, но промолчала.

— Литература. Назовите три пьесы Корнеля.

— «Гораций», «Цинна», «Полиевкт». — Она выпалила, не задумываясь.

— Кто автор «Падения дома Ашеров»?

— Эдгар Аллан По.

— Год публикации?

Селестина замялась.

— Тысяча восемьсот... тридцать девятый? Или сороковой. — Она поморщилась. — Я помню сюжет.

Кассиан кивнул, делая еще одну пометку.

— Читаете много, но запоминаете выборочно. Верно?

— А зачем запоминать скучное? — парировала она.

— Затем, что в жизни иногда приходится иметь дело с тем, что не вызывает восторга, мадемуазель. И от вашей способности удержать в голове эти сведения может зависеть многое.

Она не ответила, но взгляд стал жестче.

Кассиан продолжил опрос, перескакивая с темы на тему, иногда возвращаясь к уже пройденному, подлавливая на неточностях. Девушка отвечала быстро, почти не запинаясь, и он видел, что ей нравится этот дуэльный темп.

Селестина оказалась куда сообразительней, чем он ожидал. Она знала историю, неплохо разбиралась в литературе, а ее познаниям в механике он, пожалуй, удивился бы, если бы не слышал о часах на станции. Но за этим широким кругозором скрывалась поверхностность.

«Любознательная дилетантка, — подумал Кассиан. — Хорошо, что это поправимо. Но хватит ли трех лет, чтобы ее знания вышли на должный уровень?».

Он отложил карандаш.

— Что ж, ваш уровень знаний мне понятен. Теперь к тому, ради чего я здесь.

Селестина выпрямилась. Ее лицо, еще минуту назад оживленное азартом, стало напряженным.

— Что вы знаете о природе *Дара*?

— То, что написано в книгах. *Дар* — это способность воздействовать на частицы, клетки и волны за счет собственной энергии. Он причиняет боль. Делится на уровни — волновой, клеточный, молекулярный, атомный. Есть гипотеза о существовании более мелких частиц, и, возможно, дара, который на них воздействует, но это не доказано.

— А о своем *Даре*?

Селестина замолчала. Ее взгляд метнулся к окну.

— Мадемуазель?

— Я ничего о нем не знаю, — бросила она. — И не хочу знать.

— Почему?

— Потому что он бесполезен. — Селестина сжала губы.

Кассиан молчал, ожидая продолжения. Но девушка не произнесла больше ни слова.

— Как вы поняли, что ваш *Дар* бесполезен? — голос Арно был жестким.

Селестина взглянула на него с раздражением. Кассиан не отвел взгляд, давая ей понять, что уйти от ответа не удастся. Пауза затягивалась. Девушка едва заметно скривилась.

— Однажды, — голос ее был ледяным, — я разозлилась на Кристину. Уже не помню почему. Она тогда только вышла замуж. Еще праздновать не закончили. Мне было лет девять. Я так сильно захотела... Не знаю. Сделать что-то. Наказать ее. И внутри будто что-то лопнуло и стало очень больно. Я упала, а сердце колотилось как у кролика. Кристина сказала потом, что я каталась по земле и едва не задохнулась. А еще меня вырвало. Несколько раз.

Селестина едко прищурилась, словно специально добавляя неприятных подробностей.

— Тетушка чуть с ума не сошла, пока я две недели лежала с лихорадкой. Больше я не пробовала. И не буду.

Кассиан спокойно кивнул и поднялся.

— Вы должны знать, — сказал он осторожно, отходя к книжному шкафу, — что отказ от использования не отменяет риска. Если вы испытали такую боль, значит ваш *Дар* не в стадии вырождения. Скорее наоборот. Рано или поздно он проявится снова — и если вы не научитесь им управлять, последствия могут быть еще хуже.

Кассиан чувствовал, что девушка буравит его взглядом. Он развернулся, готовый к новым возражениям. Селестина сидела, сложив руки на груди, но встретив его взгляд моргнула и словно принялась. Впрочем, последнее ему могло только показаться.

— А вы, месье? — спросила она вдруг, откидываясь на спинку кресла. — Научились своим управлять?

Он почувствовал, как воротник сорочки начинает душить.

— Это не относится к делу, мадемуазель.

— Относится. Если вы собираетесь учить меня управлять *даром*, вы должны знать, о чем говорите.

— Существуют специальные методы работы. Для наших занятий этого достаточно, — его голос не дрогнул, но в горле стало сухо.

— Вы не ответили на вопрос. *Вы* научились контролировать свой дар? Эти методы проверены *хотя бы* вами? — она смотрела на него так пронзительно, что Кассиану захотелось отвернуться, но усилием воли он заставил себя ответить ей спокойным тоном.

— Я могу проверить их на вас.

Селестина вскочила.

— На мне? Как... — Она задохнулась от возмущения. — Как Гальвани на лягушках?

Кассиан вернулся к столу и оперся о него кулаками.

— Лягушки Гальвани были мертвы, мадемуазель. А я хочу, чтобы вы остались живы. — он чеканил каждое слово, — Вы умная девушка. Но ваше упрямство в этом вопросе может вас убить.

Краска сбежала с ее лица.

— Урок окончен?

— Еще нет.

— А я говорю — окончен.

Она выбежала из комнаты, хлопнув дверью так, что со стеллажа полетела пыль.

Кассиан остался стоять, глядя на пустое кресло напротив.

Он выдохнул и провел ладонью по лицу.

— Отлично, — сказал он пустоте. — Просто отлично.

Арно взял перо и быстро написал в блокноте, стараясь справиться с дрожью в руках:

«Проявляет азарт в соревновательных форматах обучения. Вопрос о *Даре* вызывает резкое неприятие, как я и предполагал — связано с болезненным опытом в детстве. С ее слов *Дар* бесполезен, а единственное известное проявление было неконтролируемым, сопровождалось сильной болью и едва не привело к летальному исходу.

Рекомендуется крайняя осторожность в любых практических упражнениях».

Он помедлил, потом добавил:

«Отсутствие у меня *Дара* является очевидным препятствием в установлении доверия. Следует либо найти способ обойти эту тему, либо перевести в теоретическое русло, подкрепленное демонстрациями с использованием приборов на первых этапах».

Кассиан закрыл блокнот и посмотрел в окно. Злость клокотала под ребрами

— Невыносимая девка, — сказал он вслух и поднялся, чтобы идти за ней.

Сначала Арно заглянул в малую гостиную — пусто, только рыжий кот с неприязнью взглянул на него с кресла. На втором этаже он понял, что понятия не имеет, где находится комната Селестины, а пересекаться с хозяевами дома ему сейчас совершенно не хотелось.

Он остановился у окна на площадке, переводя дух. Отсюда был виден сад за домом. Среди яблонь что-то белело. Кассиан прищурился. К одному из стволов была приставлена лестница.

Он спустился через черный ход.

Сад был старым, запущенным, яблони росли криво, их ветви цеплялись друг за друга, создавая под ногами пятнистую тень. Где-то в глубине перекрикивались птицы.

Кассиан нашел беглянку почти сразу.

Селестина сидела на толстом суку старой яблони, прислонившись спиной к стволу. Она вытянула ноги в белых чулках. К стволу была приставлена хлипкая деревянная лестница, на которой не хватало перекладины. Рядом валялись туфли.

Кассиан подошел.

— Мадемуазель.

Селестина не ответила. Она сидела, запрокинув голову, и щурилась на солнце.

— Слезайте.

Молчание.

— Мадемуазель, я не намерен стоять здесь и ждать, пока вы надумаете...

— Ну так не стойте, — сказала она в крону, не повышая голоса.

Кассиан замер.

Ему захотелось развернуться и уйти, предварительно пнув старую лестницу. Собрать чемодан, сесть на первый поезд до Люмье. Пусть Академия присылает кого угодно. Пусть эта девка сама разбирается со своим чертовым Даром и своим скверным характером.

В голове живо предстал профессор Мальзерб, отчитывающий его за то, что не справился с избалованной девицей.

Кассиан сжал зубы до скрипа и сел на траву, прислонившись спиной к теплому стволу.

Наступила тишина.

Он смотрел на мелкую падалицу в траве, на черного жука, ползущего по корню, на свои туфли, уже серые от пыли. Только не навверх. Руки подрагивали. Злость на самого себя была старой и хорошо знакомой: за то, что согласился на эту поездку. За то, что сидел под яблоней и ждал, когда девушка соизволит с ним заговорить. За то, что без нее он застрянет — если не здесь, то в министерстве, на побегушках, в каморке среди пыльных бумаг.

Над головой покачивался край зеленой юбки. Кассиан уставился на него.

— Знаете, мадемуазель, я не хотел сюда ехать. И вы мне не нравитесь. Вы капризная, избалованная девица. Вы привыкли, что вам все сходит с рук.

Край юбки замер.

— Но вы — мой шанс. Поэтому я буду сидеть здесь, пока вы не решите слезть. Или пока не стемнеет. Мне некуда спешить.

Он сорвал травинку, покрутил ее в пальцах и сунул в рот.

— Можете пожаловаться дядюшке, и он выставит меня в тот же час. Я уеду и через день буду в Париже. А вы останетесь здесь, в заботливых объятиях родственников. Пока они живы. А потом? Будете перебирать вал на мельнице и ждать, когда за вами придут, как за вашим отцом?

Наверху коротко хрустнула ветка.

Кассиан выдохнул. Раздражение, накопившееся с той минуты, как он сошел на станции, наконец перестало сдавливать горло. Но про отца говорить не стоило.

Наверх он так и не посмотрел. Солнечный зайчик дрожал на его сложенных руках. Стебель мятлика был сладким, но во рту горчило. Тишина вязким маревом окутывала сад. Сверху не доносилось ни звука так долго, что Кассиан почти решил: плачет.

Листва зашелестела, рядом с ним упало мелкое яблоко, и раздался голос:

— Вы всегда такой приятный собеседник?

Кассиан усмехнулся — с облегчением, которого сам от себя не ждал.

— А вы всегда такая истеричная?

Она хмыкнула.

— И что вы можете мне предложить?

— Для начала — слезть с дерева и обуться.

— А потом?

Кассиан наконец запрокинул голову. Селестина свесила ноги с ветки и смотрела на него без прежней неприязни. Глаза у нее покраснели, но щеки остались сухими.

— Это зависит от вас. Если я увижу должное упорство и результаты, которые смогу представить совету Академии хотя бы как удовлетворительные, через три года вас примут на обучение в Париже. Реабилитируете вашу фамилию в глазах общественности, вернете свое наследие и будете вольны жить как пожелаете. У вас же наверняка есть мечты помимо сборки часов.

Селестина закатила глаза и почти свесилась с ветки.

— Обещаете?

Кассиан отбросил жеванный стебель и посмотрел на нее уже серьезно.

— Обещаю.

Селестина удовлетворенно кивнула и сползла по стволу вниз, цепляясь подолом за сучки. Кассиан поднялся, отряхивая брюки. Руку он ей не подал, позволив неловко спрыгнуть на траву. Девушка едва заметно скривилась, чуть не споткнувшись на выступающем корне и принялась обуваться.

Он подождал пока она зашнурует туфли и пошел в направлении дома.

— Белые орехи, — внезапно выпалила она.

— Что? — он недоуменно обернулся, встречаясь с ее медовыми глазами.

— Хочу попробовать белые орехи. Я читала о таких — снаружи волосатые, а внутри белые с молоком.

Кассиан остановился, разглядывая ее полное решимости лицо в обрамлении растрепанных волос и прикрыл ладонью глаза, едва сдерживая смех.

— Кокосы. Они называются кокосы.

— Да, я так и сказала, — невозмутимо отозвалась Селестина.

Он закатил глаза и продолжил путь не оборачиваясь, слушая ее легкие шаги за спиной.

Вечером того же дня, дождавшись, пока часы в гостиной пробьют девять, Селестина с облегченным вздохом отложила тетрадь. К завтрашним занятиям месье Арно задал ей написать эссе по последней прочитанной ею книге, видимо, желая отыграться за ее поведение. Затребовал не менее пяти листов. Селестина послушно кивала, ведь пообещала хотя бы создать видимость послушания на время уроков.

О том, что последней прочитанной ею книгой было наискучнейшее руководство землевладельца для машин и сельскохозяйственных инструментов, которое и вдохновило ее залезть на мельницу, она предусмотрительно умолчала.

Поставив точку девушка потянулась и размяла пальцы.

Солнце уже село, с улицы в комнату проникал прохладный ветерок, несущий неповторимые ароматы июньского вечера. На горизонте стремительно таяла алая полоса заката. Селестина накинула шаль и быстро спустилась на первый этаж, проскочив мимо кабинета дядюшки незамеченной.

Ее любимый кот — Марципан, услышав шаги хозяйки, приветственно мурлыкнул и последовал за ней к флигелю, где жила Кристина с двумя маленькими сынишками.

Дверь была открыта. Дети уже спали — Луи в своей кровати, прижимая к груди тряпичную куклу, Серж на сундуке, раскинувшись звездочкой. На столе горела керосиновая лампа, отбрасывая теплый свет на грудку детской одежды.

Кристина штопала, игла ходила в пальцах быстро и ровно.

— Ну что? — спросила она, не поднимая головы. — Как новый учитель?

— Сноб, — выдохнула Селестина, опускаясь на табуретку и подхватывая со стола рубашку Луи, — Корчит из себя не пойми что. Смотрит так, будто мы тут живем в помойной яме.

— Он столичный. Привык к высшему обществу.

— Он к нему и не приближался, — фыркнула Селестина. — У него булавка фальшивая. Я еще вчера заметила.

Кристина подняла голову.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. И представь, этот павлин еще нотации читает. «Мадемуазель, ваши знания поверхностны». «Мадемуазель, вы не разбираетесь в паровых цилиндрах». — Она передразнила сухой голос Кассиана придавая намеренную гнусавость, чем вызвала у Кристины улыбку, — Еще и довел, что пришлось на яблоне прятаться.

Кристина бросила на подругу обеспокоенный взгляд.

— Ну, может он не совсем павлин. И не совсем сноб.

— А кто?

— Человек. Может, тоже не выбирал, куда его посылать.

Селестина на мгновение замолчала, втыкая иглу в грубую ткань.

— Выбирал. Не хотел, страдал, но выбрал, — Селестина раздраженно дернула нить, едва ее не порвав, — Ему нужен мой Дар, — добавила она тише. — Сказал, что это главная причина, почему он здесь.

— А ты? — в голосе Кристины послышалось беспокойство. Селестина не хотела тревожить подругу, которая и так с утра до ночи в заботах, но держать все в себе было выше ее сил.

— Я сказала, что не хочу. Ну как сказала... Сорвалась и убежала. А потом он меня в саду нашел. Караулил под деревом, я чуть к ветке не приросла. Нахамил, — Селестина прикусила язычок, стараясь не ругаться.

Кристина отложила иглу, стремясь заглянуть ей в глаза.

— В каком смысле?

— В прямом. Не бери в голову, мы оба разошлись, — Селестина отмахнулась, — Главное, мы договорились. Я буду учить все, что связано с естественными науками, и пока не разберусь в них, мы к теме Дара не возвращаемся.

— Это разумно.

— Наверное. — Селестина вздохнула. — Он сказал, что без этого работать с Даром опасно. Что я должна сначала понять законы, чтобы не было...

— Как в тот раз. — закончила за нее подруга. Селестина кивнула, и отложила зашитую рубашку в сторону, вытаскивая из вещей бриджи Сержа. Вспоминать тот случай было мерзко и страшно. Кристина сама тогда едва не лишилась чувств, увидев как юная госпожа катается по земле, хватая ртом воздух и не имея возможности закричать, а потом две недели навещала ее у постели, меняла мокрые полотенца и слезно просила прощения.

Селестина тряхнула волосами, отгоняя неприятные воспоминания.

Последнее, чего ей хотелось бы — пытаться повторить это снова. И Кристина поняла ее чувства — за те три года, что она работала у де Ларош, девушки успели привязаться друг к другу как сестры.

Кристина внимательно посмотрела на нее.

— И что ты будешь делать?

— Учиться, — Селестина повела плечом. — Рано или поздно все равно пришлось бы попробовать. Дядя с тетей однажды умрут, поместье развалится и я буду перебирать шестерни на мельнице, пока меня не прикончит мой собственный Дар. Или пока за мной не придут.

— Он тебе это сказал? — в зеленых глазах Кристины блеснуло раздражение.

— Да, и самое гадкое, что он прав.

Кристина покачала головой. Взяла иглу снова, сделала несколько стежков.

— Он жесток, — заметила она.

— Мне так не показалось, — задумчиво отозвалась Селестина, ставя аккуратную заплатку, — Он скорее какой-то нервный... Но ему хотя бы хватило духу честно сказать что он думает

Кристина усмехнулась, явно не поверив.

— И что?

— Придется его терпеть. И ждать, когда он сдержит слово. — Селестина потянулась к другой рубашке. — Он обещал, что через три года, если я буду усердной, меня примут в Академию в Париже.

Кристина хотела что-то сказать, но передумала.

Тишина тянулась, но не давила. За окном стемнело окончательно. На свет лампы в открытое окно слетались мотыльки, от которых Селестина досадливо отмахивалась, едва не всадив иголку себе в глаз.

— Тити, — позвала Кристина неожиданно.

— М?

— А он... ну, как тебе, как мужчина? — Кристина лукаво прищурилась, явно наслаждаясь непониманием на лице подруги.

— Кто? Арно?

— Ага.

— Сноб как сноб, — равнодушно ответила Селестина, пожав плечами

— А по-моему очень даже привлекательный, — Кристина отложила последнюю рубашку и опустила голову на сложенные руки, на лице у нее появилось озорное выражение.

Селестина смерила ее взглядом, каким доктора смотрят на душевнобольных.

— Что? — Кристина пожала плечами и прищурилась. — Я замужем была, кое-что в мужчинах понимаю. И ты тоже не слепая.

Селестина не знала как реагировать и не могла поверить что подруга говорила серьезно.

— Да, глаз у меня все еще два, но ничего привлекательного я в нем не заметила, — девушка вспомнила гневные вопли Поля, когда он притащил ее с мельницы, прямо под нос Арно.

— А я заметила, — Кристина вздохнула и начала перечислять с театральным придыханием, — высокий, статный, глаза такие пронзительные. Ты когда-нибудь видела такие глаза?

Селестина честно попыталась вспомнить цвет его глаз, но на ум ничего не приходило.

— Да у него вместо носа клюв. И глаза обычные, как у всех, — с легким раздражением ответила она. Цвет вспомнить так и не удалось, а вот пронзительная внимательность, с которой он следил, как она выводит формулы на бумаге, заставила кожу покрыться мурашками даже сейчас. Девушка вздрогнула, отгоняя это ощущение. Кристина же медленно покачала головой.

— Се-ерые, — протянула она нараспев, — прямо в сердце смотрят. А ресницы?

Селестина уже хотела спросить, не повредила ли подруга умом, как она продолжила.

— Ты ресницы его видела? Как у коровы, — наигранно-мечтательно закатила она глаза.

Селестина моргнула, отложила готовую сорочку и под томным взглядом подруги не выдержала и засмеялась, так, что дремавший Луи обеспокоенно поднял голову, готовый расплакаться в любой момент, но увидел как его мама и мадемуазель Тити заливаются звонким смехом, успокоился и улегся обратно. А девушки еще долго не могли перестать хохотать.

Глава 3. Гарантии

13 декабря 1895 г. Париж. *Hôtel de la Marine*.

Профессор Анри де Мальзерб торопливо поднялся по ступеням главного здания Королевского Министерства по Делах Одаренных. Он так спешил, что расстегивать пальто пришлось на ходу, отряхивая мокрый снег.

Целью профессора был кабинет виконта Армана де Монфор, который располагался на втором этаже. Окна выходили на Площадь Людовика XV, но сейчас это не имело значения — весь Париж накрыла метель, такая, что в трех метрах ничего не разглядеть.

В кабинете было холодно, несмотря на пламя в камине.

Стоило профессору открыть дверь, как он тут же столкнулся со строгим взглядом виконта.

Он сидел в своем кресле, опираясь локтями о стол. Рядом расположился секретарь, имени которого профессор не знал — Арман менял помощников так часто, что запоминать их не было смысла.

— Профессор, — виконт встал с места, обозначая приветствие легким кивком, — вижу вы добрались в такую погоду. Ваша преданность делу достойна восхищения.

Анри де Мальзерб снял шляпу и кивнул.

— Виконт де Монфор, не стоит, это моя обязанность.

Профессор прошел в кабинет, небрежно бросив пальто на спинку стула и перевел взгляд на крепкого седого мужчину в кресле напротив. Тот сидел сложив руки на груди, и смотрел на профессора с едва заметным любопытством. Мальзерб чуть склонил голову:

— Месье де Ларош.

Жан ответил легким наклоном головы:

— Профессор.

Жан снова перевел взгляд на виконта, который сцепил пальцы в замок.

— Итак, продолжим, — голос Армана был спокоен, как и всегда.

Жан удрученно вздохнул.

— Да продолжать особо нечего, месье виконт, я бы ее вообще одаренной не называл, если на то пошло.

Лицо Армана неуловимо изменилось — в нем появилось хищное выражение.

— Поэтому вы решили не направлять девочку в специальную школу? — виконт покачал головой, — Вы замечали проявление дара в детстве, даже, *если предположить*, что не знали о ее наследственности...

Профессор бросил на Жана обеспокоенный взгляд. Понятно было, куда клонил де Монфор. Согласно Декрету Королевского Совета о народном образовании от 1803 года, ребенок после проявления дара должен быть направлен на обучение в специальное учебное заведение, находящееся под пристальным контролем Королевской Академии.

Нарушение декрета грозило родителям или опекунам ребенка как минимум крупным денежным штрафом и заключением, за сокрытие опасного дара — лишение титула и опеки над ребенком.

Но сейчас речь шла о последней прямой наследнице де Вальмон. За умышленное сокрытие *такого* дара можно было попасть на эшафот.

И Жан не мог этого не знать.

Барон снова вздохнул и покачал головой.

— Отнюдь, виконт, отнюдь. Еще до рождения Селестины я каждые два года направлял прошения о выделении средств на постройку школы. И продолжаю направлять, но каждый раз

получаю отказы, они у меня в портфеле, если позволите, — Жан кивнул на сумку из потертой кожи, — И я бы хотел обсудить основания этих отказов...

Арман глубоко вдохнул.

— Месье, это не относится к делу, вы обязаны были направить ее в коллеж Люмье, если в ваших краях нет подходящего учебного заведения.

Жан возмущенно приосанился и положил широкие ладони на стол.

— Виконт, мой доход три тысячи восемьсот франков в год. Дай бог четыре, при хорошем урожае. Из них полторы тысячи уходит на содержание поместья, восемьсот — на уплату налогов и сборов, шестьсот — на жалованье слугам и работникам. И я не беру в расчет ремонт станции, которая разваливается на глазах, да и прочие непредвиденные траты, без которых никуда. Обучение оставило бы меня без последних штанов, извините за такое выражение. А за счет академии обучаются лишь дети из семей, чей доход не превышает двух тысяч четырехсот франков.

— Потому вы решили оставить все как есть и не направили ни одного письма в министерство или в Академию. Вам не приходила мысль, что *ваш случай* могли рассмотреть в особом порядке? — Арман быстро взглянул на секретаря. Юноша принялся торопливо строчить в блокноте.

Профессор уже собирался вмешаться, но Жан вновь откинулся на спинку кресла. Когда он заговорил, в голосе сквозило сдержанное возмущение.

— На этот случай в Декрете предусмотрен пункт 12-бис.

Лицо виконта вытянулось. Мальзерб удивленно моргнул — этот пункт применялся так редко, что о его существовании, казалось, знали лишь те, при ком он был принят сорок лет назад. Виконт де Монфор, в свои тридцать два, с подобным явно не сталкивался, и уже готов был опровергнуть довод собеседника.

Профессор кашлянул, привлекая общее внимание.

— У вас прекрасное знание законов, месье де Ларош, я впервые сталкиваюсь с таким использованием пункта двенадцать-бис, — профессор прищурился. Арман повернул голову и Мальзерб поежился. Порой виконт де Монфор напоминал ему полярную сову. В его взгляде читался немой вопрос. Профессор поправил монокль и постарался вспомнить текст пункта 12-бис.

“В случае невозможности направления одаренного ребенка в учебное заведение по причинам физического или душевного недуга, либо по иным уважительным причинам, обучение может быть организовано на дому. При этом учитель должен иметь соответствующее образование и обладать даром на уровне не ниже третьего ранга. Ребенок обязан проходить ежегодную аттестацию у комиссии учебного заведения.”

Жан энергично закивал.

— Именно так, месье профессор. По иным уважительным причинам.

О ежегодных аттестациях барон благоразумно умолчал. Мальзерб был почти уверен, что ни одна комиссия девочку в глаза не видела.

Арман поднялся из-за стола и подошел к окну. Метель не утихала, даже свет фонарей площади не пробивался сквозь мглу. Мальзерб видел лицо виконта в отражении. Брови сведены, лоб прорезала морщина.

— Насколько я знаю, нанять гувернера достойного уровня было бы куда дороже, чем отправить девочку в коллеж.

Барон приосанился, на его лице появилась теплая улыбка.

— О да, но мне в свое время повезло жениться на весьма одаренной учительнице. Я до сих пор уверен, что все это — божье провидение.

— Несомненно, — процедил виконт, отворачиваясь от окна. Паркет скрипнул.

Профессор внимательно наблюдал за Жаном. Несмотря на простодушное выражение лица и расслабленную позу, он видел, что мужчине не просто дается этот разговор. Он то и дело касался платком лба, сетуя на жар камина.

Арман обошел кресло, но садиться не стал, нависнув над столом.

— И у мадам...

— Элоизы де Ларош, — тихо подсказал секретарь.

— Третий ранг владения даром? — в голосе Армана появилось сомнение. Профессор его понимал. С таким уровнем нечего делать в глухой провинции, тем более, если спецификация применима к медицине.

Жан кивнул и спрятал платок в карман.

— Мы чтим закон, месье виконт, все подтверждающие бумаги есть в моем портфеле.

Арман кивнул, не отводя от барона внимательного взгляда.

— Мы все проверим, не переживайте.

Жан пожал плечами. Мальзерб не мог понять, верит он Жану или нет. В том, что де Ларош привез с собой все документы сомнений не было, как и в их подлинности. Как бы Арман ни старался, с точки зрения закона — барон чист как слеза. Единственное, к чему де Монфор еще мог прицепиться — к сокрытию настоящей фамилии девочки, но это слишком мелко. Жан наверняка стал опекуном ребенка с «неизвестными родителями». Если верить его словам — а иных доказательств у министерства не было, — девочку буквально оставили на станции без каких-либо намеков на ее происхождение. Даже если такие были — наверняка де Ларош все уничтожил. Конечно, министерство направит кого-то провести обыск в поместье, но вряд ли это хоть что-то даст.

Виконт подался вперед, и по тому, как сузились его глаза, Мальзерб понял: тот наконец вспомнил об аттестациях. Профессор заговорил первым.

— Месье де Ларош, а когда вы поняли, кем были родители девочки? — спросил профессор, — когда проявился ее дар?

Жан задумался, потер переносицу и медленно ответил.

— *Понял* я неделю назад, когда от министерства пришла бумага и я ее прочитал, — де Ларош поджал тонкие губы, — а дар ее проявился, дай бог вспомнить... Лет в девять. И, как я уже объяснил виконту, проявление было крайне слабым. Мы даже толком не поняли, что произошло. Если б не жена, я бы вообще решил что девочка просто больна.

— А как именно проявлялся ее дар? Что происходило в этот момент? — профессор подался вперед, изучая каждое движение собеседника. Арман де Монфор предусмотрительно молчал, но его секретарь не отрывался от блокнота.

— Да говорю же — ничего такого. Мы и момента не заметили. Ребенок плакал и жаловался на боль. Элоиза ее увела — осмотрела и сказала, что у девочки видимо дар в стадии вырождения. Сотворить она ничего не может, только последствия получает. Развить дар не получилось, а как двенадцать лет Селестине исполнилось, так и дар перестал тревожить. Мы уж решили что окончательно выродился.

Мальзерб заметил, что на лбу мужчины снова выступила влага. Конечно он не имел ничего против Жана. Напротив, ему импонировала та простота, с которой де Ларош отвечал на вопросы. Верил ли профессор в то, что его собеседник ничего не знал? Нет. Но доказать умысел Арман не сможет, а Мальзерб не собирался проводить ночь за допросом. Профессор кивнул.

— Месье де Ларош, и вы не заметили никакого внешнего сходства девочки с родителями? — Арман хрустнул костяшками пальцев. Профессор поморщился, — говорят, она вылитая мать.

Жан удивленно вскинул брови, словно не веря что вопрос задан всерьез.

— Месье виконт, я видел Мадлен один раз, когда они с Александром объявили о помолвке. Не могу сказать, что у меня плохая память на лица, я точно знаю, что она была красива, но все же, этого недостаточно, по крайней мере для меня, чтобы заметить сходство в ребенке.

Секретарь быстро пролистал исписанный блокнот и отложил ручку. Арман опустил в кресло и вновь сцепил руки.

— Допустим, — медленно произнес он, — но сейчас, когда сомнений у нас не осталось, нужно решить, что с этим делать. И выход у нас, месье, только один.

Жан оцепенел.

— Селестина де Вальмон должна немедленно прибыть в Париж.

Профессор поджал губы. Само собой, ничего иного не оставалось. Министерство и Академия и так упустили слишком много. На лбу Жана снова появились капли пота, но он словно не заметил их. Взгляд его темных глаз уперся в виконта. Мальзерб представлял, насколько сложно сейчас этому мужчине сохранять на лице спокойное выражение.

— Боюсь, — Жан намеренно растягивал паузы, — немедленно не получится.

В его голосе проскользнула виноватая интонация.

— Я, как ее *законный* опекун, не смогу остаться в столице надолго. Моя милая жена слаба здоровьем, она не выезжает за пределы наших скромных владений. А одну Селестину я не оставляю, девушке ее возраста и положения не пристало жить в столице в одиночестве.

Виконт покачал головой. Он опустил острый подбородок на сцепленные пальцы.

Профессор поджал губы. Было ясно, что виконт де Монфор сделает все, чтобы вытащить девочку в Париж, чего бы это ни стоило. Нельзя было этого допустить.

Мальзерб слишком хорошо помнил, чем кончилось, когда на последнего де Вальмона надавили. Потому он вмешался, не позволяя Арману вставить ни слова.

— Вы абсолютно правы, месье. Мадемуазель в столь нежном возрасте не должна рисковать своей репутацией, а соблазнов в Париже много. Особенно для девушки ее положения, — Мальзерб бросил предупреждающий взгляд на виконта. Глаза Армана потемнели, но он сдержался.

Жан удивленно моргнул и подался вперед.

— Но, с учетом состояния здоровья вашей супруги, о котором вы упомянули, мы, при всем уважении к вашей семье, не можем оставить ситуацию как есть. Вы же понимаете?

Профессор видел, как быстро взгляд собеседника скользнул по нему снизу вверх. Де Ларош сдержанно кивнул.

— Принять мадемуазель в Академию на общих условиях мы также не можем, — Мальзерб сделал паузу и повел головой, разминая шею, — поэтому я хотел бы предложить компромиссный вариант, если виконт не против.

На лице Армана выступили алые пятна, но в полумраке их можно было принять за игру света. Профессор знал, что этот вечер уничтожит последние крохи взаимопонимания в их, и без того натянутых, отношениях. Но Селестина де Вальмон была слишком значима для Академии, а, быть может, и для всего одаренного сообщества, чтобы позволить Арману де Монфор спугнуть де Лароша и вновь упустить девочку.

— Месье де Ларош, как вы смотрите на то, что Королевская Академия, разумеется за свой счет, предоставит юной мадемуазель частного учителя? — профессор смотрел на Жана неотрывно, — Он сможет завершить обучение вашей воспитанницы и подготовить ее к поступлению в Королевскую академию, — Мальзерб поднял руку, останавливая Жана, который готов был возразить, — разумеется, если мадемуазель сама пожелает получить высшее образование в Париже. А если не пожелает — ей в любом случае придется явиться в министерство, пройти ряд... определенных бюрократических процедур, чтобы вернуть то, что принадлежит ей по праву рождения. Вы же не планировали лишать девочку ее наследства?

Жан прищурился, но профессор лишь откинулся в кресле, сохраняя на лице самое искреннее участие. На виконта профессор предпочитал не смотреть. Каким бы ни был сейчас ответ де Лароша, Арман никогда не забудет этой вольности.

— Я приютил сироту. Ни о каком наследстве я никогда не думал, — слова давались Жану тяжело, — И у меня нет оснований отказываться от *столь щедрого* предложения. Но, — он сухо кашлянул, — мне нужны гарантии, что Селестина будет в абсолютной безопасности. Понимаете? *В абсолютной*.

Профессор кивнул.

— Я буду лично контролировать все, что касается ее обучения. И я клянусь вам, что все наши действия направлены исключительно на благо юной мадемуазель. Слово чести.

Жан смерил его тяжелым взглядом.

— Тогда закрепим наш договор на бумаге.

Мальзерб повернулся к виконту де Монфор, который прожигал его взглядом.

Очередной порыв ветра врезался в стекла, наполняя кабинет едва слышным напряженным гулом.

— Разумеется закрепим, — ответил де Монфор.

Профессор выдохнул.

11 июля 1896 г. Поместье де Ларош

Дни лета текли размеренной чередой. Целую неделю Селестина исправно играла роль прилежной ученицы — ровно в восемь утра она ждала его в библиотеке с выполненным заданием.

Первое, что понял Кассиан — давать ей задания нужно так, словно загадываешь желание сказочному Джину, предугадывая все возможные трактовки, которые только могут быть. Селестина, несмотря на свой юный возраст, оказалась не только вспыльчивой, но и коварной девушкой. Даже математические задачи она умудрялась выполнить так, что первый час урока уходил на споры о подходе к решению. Про неточные науки даже речи не шло — после ее эссе по руководству для землевладельцев и его важности для сохранения мира в семье, Кассиан впервые ощутил желание запустить чернильницу прямо в голову девушке. Она филигранно сочетала действительно разумные мысли с абсолютнейшим абсурдом и наивно хлопала ресницами в ответ на его недовольство.

Кассиан перестал спорить.

Поначалу было трудно, но он держался, ведь чем больше он возражал, тем больше ей нравилось. Ее глаза загорались, голос становился звонче, и она готова была спорить до хрипоты, лишь бы не признавать его правоту.

Тогда он сменил тактику.

На каждое ее «творческое» решение он отвечал коротким:

— Интересно. Обоснуйте.

Селестина, привыкшая к отпору, на секунду терялась. Потом начинала объяснять. Кассиан слушал, иногда задавая наводящие вопросы, пока девушка сама не путалась в доводах.

В такие моменты Селестина замирала, упрямо кривила губы и даже научилась признавать ошибки, если недовольное фырканье можно было считать признанием.

— Я это обдумую, — отвечала она, спотыкаясь об очевидные ошибки.

К концу третьей недели Селестина окончательно перестала строить из себя дурочку и устраивать представление из каждого занятия, но ее старательность также пошла на спад. Она начала опаздывать, каждый раз находя причину, которая, само собой, никак от нее не зависела.

Но у Селестины была одна страсть — она любила истории, и стоило ему упомянуть что-то о Париже она тут же оживала.

Поэтому, когда она вела себя прилично и старательно выполняла задания, он заканчивал урок раньше, рассказывая что-то о столичной жизни.

Больше всего ее заинтересовали катакомбы и кабаре. Ни там ни там Кассиан не бывал, но со слов приятелей знал достаточно, чтобы Селестина восторженно округляла глаза и просила рассказать что-нибудь еще. Он равнодушно смотрел на часы, с деланным сожалением сообщал, что занятие окончено, но, если она и завтра также быстро справится с заданиями, они смогут поговорить дольше.

И это сработало. Конечно, совсем опаздывать на уроки она не перестала, но в ее речи появилось слово “извините”, задания были выполнены пристойно, а споры стали конструктивными.

После занятий он обычно видел свою ученицу только за ужином. Зачастую девушка либо занималась в саду, отвлекаясь на игры с малышами Кристины, либо пропадала в деревне. Учителя она с собой не приглашала, за что Кассиан был ей благодарен. У него оставалось достаточно времени на собственные исследования. Де Ларош его почти не тревожили. Лишь изредка барон приглашал его составить компанию за чаем, вежливо интересовался успехами

Селестины, удовлетворенно кивал и спрашивал его ученого мнения по тому или иному экономическому вопросу.

Кассиан даже стал привыкать к такому спокойному укладу жизни, хотя не мог сказать, что ему нравилось.

В субботнее утро он собирался на станцию, нужно было отправить корреспонденцию: отчеты для министерства и совета академии об успехах Селестины, его научной работе, и личное письмо профессору Мальзербу. Кассиан надеялся успеть до полудня, чтобы не попасть в самую жару, но его планы были нарушены — в конюшне стояла только старая кобыла, она уныло жевала сено и даже не обратила на него внимания.

— Доброе утро, месье Арно.

Он обернулся. Жан стоял у входа. Вид у него был довольный.

— Доброе утро, господин барон. Не подскажете, где повозка?

— Уехала, — спокойно ответил Жан.

Кассиан моргнул.

— Как уехала?

— Селестина, взяла ее. Чуть свет. — Жан вошел в конюшню. — Умчалась на мельницу с Рени и Кристиной.

— И вы... отпустили?

— Не вижу причин запрещать.

Кассиан сжал зубы. Ему хотелось сказать, что это, мягко говоря, не предусмотрительно. Что благородной девушке нечего делать на мельнице, особенно после скандала с Полем.

Но свои замечания он оставил при себе

— Я, собственно, хотел на станцию, — сказал он как можно равнодушнее.

— Знаю — Жан кивнул. — Я вас подвезу. Есть у меня одна телега, хозяйственная. Если вас не смущает запах сена.

Кассиан представил, как будет трястись на мешках по ухабам, и внутренне застонал.

— Не смущает.

— Вот и славно. Я подвезу вас до мельницы, а там уже договоритесь с Селестиной, думаю она с радостью прокатится до станции, да и заодно присмотрите за молодежью, не то опять загуляют до вечера и к службе будут как сонные мухи.

Жан кивнул.

— Я запрягу телегу.

Через десять минут Кассиан уже сидел на мешке и трясся по ухабам. Жан правил лошадью с ленивой грацией.

Мельница находилась за деревней, где бурный ручей уходил за старый каменный мост. Повозка стояла у колодца — лошадь, привязанная к кольцу, сонно опустила морду. А вот самой компании нигде не было видно. Жан остановился, дав Кассиану возможность сойти.

— Что ж, доброго вам дня, месье, — он приподнял кепи и подстегнул лошадь.

Кассиан пошел к мельнице.

Внутри он застал всю компанию: Селестина стояла у снятого кожуха, засучив рукава, на ней снова была та же грубая рубашка и бриджи, волосы спрятаны под пыльным кепи. Она что-то объясняла Полю, который внимательно ее слушал и изредка кивал. Рени сидел на бревне, а Кристина, примостившись на мешке с мукой, поглядывая на них с легкой улыбкой и перешептываясь с конюхом.

— Месье Арно! — Селестина заметила его первой. — А вы какими судьбами?

— Собирался на станцию, — ответил Кассиан, подходя ближе. — Но вы забрали повозку раньше.

— О, какая досада, — по ее прищуре Кассиан видел, что ей совсем не жаль. Она вытерла руки о рубашку и подошла ближе.

— Мы вас отвезем.

Она махнула рукой своим, и компания оживилась. Рени вскочил с бревна, галантно подав руку Кристине и их маленькая процессия во главе с Селестиной двинулась к повозке.

Кассиану оставалось только идти следом.

Рени ловко вскочил на козлы, рядом с ним села Кристина, остальные — сзади. До станции добрались на удивление быстро. Смотритель сидел на чугунной скамейке, ковыряясь в настоящем русском самоваре, но увидев гостей, сразу оживился.

— А, молодежь! А я думал, вы забыли про старика.

— Как можно, Григорий? — Селестина радостно подбежала к нему. — Мы вам новый шланг привезли. Рени менял у конюшни, остался кусок.

— Ох, золото, а не ребята, — покачал головой смотритель, — пойдемте чаю попьем.

Он отвел их в небольшую комнату над залом ожидания. Рени и Кристина тут же по хозяйски достали чашки и накрыли на стол, Селестина внимательно оглядывала комнату, видимо в поисках чего-нибудь, что могло потребовать починки, Григорий подошел к Кассиану.

— Ну что, месье ученый, — сказал он негромко, — как вам наши края? Не жалеете, что приехали?

— Есть немного, — честно ответил Кассиан.

— Не удивительно. Но вы держитесь. Молодежь — она такая. Бесшабашная, спуску не даст.

Он кивнул в сторону Селестины. Та в этот момент звонко смеялась над очередной байкой Рени. Григорий принялся за растопку самовара. Пока вода закипала, Кристина успела накрыть на стол, и когда пар пошел из носика, все расселись на скрипучие табуреты.

Чай был горячий, крепкий, с мятой. Григорий разливал его в старые чашки, приговаривая:

— Пейте, пейте. Сам сушил.

— Кстати, месье Арно, вы же интересуетесь одаренными, — внезапно сказал Рени, отставляя чашку, — Григорий у нас как раз из таких.

— Скажешь тоже. Одаренный, — смотритель кашлянул, — так, огоньки зажигаю.

Кассиан с удивлением взглянул на смотрителя. Ему и в голову не могло прийти, что этот пожилой мужчина мог обладать каким-то Даром. Видимо, заметив его интерес, Григорий продолжил.

— Да у нас в армии все офицеры с Даром были, без него по службе и не продвинешься особо. А как старший узнал, что я эти, частицы разгоняю, что огонь даже на сырых щепках горит, повысил тем же днем.

— Да не скромничайте, — Рени потянулся к самовару, наполняя чашку Кристины, — расскажите что-нибудь.

— Да, расскажите, — Кристина аккуратно подула на свой чай, — мы ваши истории любим.

Кончики ушей за рыжими бакенбардами Григория чуть порозовели.

— Ну, было дело, — сказал он. — Служил я в Сибири, в казачьем полку. Зимы там — хуже не придумаешь... Однажды наш отряд заблудился в метели. Дров нет, спички отсырели. А мы — в чистом поле, куда ни глянь — все заледеневшее. Лошади уже замерзать начали. Ну, я и... — он развел руками, — зажег.

Он протянул ладонь над столом. Кассиан ожидал увидеть пламя, но ничего не происходило.

Григорий хмыкнул, сосредоточился. На кончиках его пальцев дрогнул слабый синий язычок — и тут же погас.

— Постарел, — вздохнул смотритель. — Раньше как чиркнешь — враз вспыхивало. А теперь...

Он пошевелил пальцами, пытаясь снова.

Селестина, сидевшая напротив, вдруг побледнела и прижала ладонь к виску. В воздухе запахло озоном, раздался едва различимый треск, но больше ничего не произошло. Григорий сжал запястье, закусив губу. Кристина с тревогой переводила взгляд с подруги на смотрителя.

Григорий растерянно разглядывал свои пальцы.

— Не берите в голову, — сказал Рени. — В прошлый раз у вас отлично получилось. Может, устали?

— Наверное, — согласился смотритель, встряхнул рукой и болезненно поморщился. — Весь день дрова колот.

Кассиан ничего не сказал. Он посмотрел на Селестину — та отвела глаза.

— Голова болит, мадемуазель? — спросил он тихо.

— Пройдет, — отмахнулась она. — Просто душно.

Но он заметил, как ее пальцы дрогнули.

О том, что де Вальмоны умеют влиять на чужой Дар, Кассиан читал в досье. Но одно дело — читать об этом в министерском кабинете, и совсем другое — видеть, как это происходит за чайным столом.

Кристина спешно подлила всем чаю. Рени принялся рассказывать о том, как однажды чуть не сжег сарай. Селестина через силу улыбалась, но Кассиан видел, как ее пальцы впились в треснутую чашку и едва заметно дрожали.

Когда чаепитие кончилось, Григорий проводил их до повозки.

— Приезжайте еще, — сказал он, похлопывая Рени по плечу.

— Спасибо, Григорий, — сказала Селестина. Голос ее звучал устало.

Она забралась в повозку, прижалась к борту и закрыла глаза. Всю дорогу обратно она молчала, лишь иногда кивая под болтовню Кристины и Рени.

Кассиан сидел напротив, подмечая как она дрожит и кутается в шаль, несмотря на духоту.

Дома Селестина быстро ушла, сославшись на усталость.

Кассиан вернулся к себе. Сделал несколько пометок о сегодняшних наблюдениях и прислушался — в доме царила непривычная тишина. Перед сном он выглянул в окно — свет во флигеле Кристины не горел.

В понедельник Селестина снова опоздала, Кассиан заметил, что она была бледна, а под глазами залегла тень.

— Извините, — буркнула она, занимая свое место. — Не спалось.

— С субботы? — Кассиан закрыл дверь и вернулся к столу. — На станции, когда Григорий пытался зажечь огонь, у него не получилось. Вы заметили?

Селестина отвела взгляд.

— Он уже в почетном возрасте.

— Он списал это на возраст. — Кассиан помолчал. — У вас заболела голова. В тот же миг, когда его дар погас.

— Совпадение.

— Не совпадение, мадемуазель. — Он пододвинул стул ближе. — Вы подавили его Дар. Селестина побледнела еще сильнее.

— Я ничего не делала.

— Именно. Вы ничего не делали, ваш Дар проявился неосознанно, отсюда и возникла боль. Похоже, вы боитесь любого его проявления настолько, что подавляете его у других, даже не осознавая процесс.

Ее плечи напряглись.

— Я понимаю ваш страх, мадемуазель.

— Да ни черта вы не понимаете! — Селестина сложила руки на груди, сморщив лоб.

— Вы не знаете каково это! — возмущенно продолжила она, — Вы закопались в своих бумагах и считаете себя самым умным. Вам хоть раз доводилось испытывать боль?

Яростный взгляд мясника, деревянная колотушка опускается на руку. Кажется, он слышит хруст. Боль, тупая, жгучая, несетя под кожей от ладони к плечу. Он бежит. В глазах мутнеет, но он продолжает бежать, пока воздух не начинает жечь легкие. В доме пахнет спиртом и нечистотами. Мать замахивается на него кружкой. Тошнотворный запах спирта. Снова боль. Острая, холодная. Такая же, как взгляд серых водянистых глаз женичины, которая его родила.

Бесполезный.

Кассиан прикрыл глаза и вновь посмотрел на девушку.

— Мадемуазель, — его голос остался спокоен, — Пока вы сами не будете готовы, мы не тронем ваш Дар, как и договорились. Сейчас я прошу лишь об одном. Понаблюдайте, как другие им пользуются. Григорий, мадам. В их руках он всего лишь инструмент.

Плечи Селестины опустились.

— Этот инструмент меня чуть не убил, — прошипела она.

Кассиан вздохнул, поднимая взгляд к потолку.

— Представьте нож. Любой — столовый, охотничий — на ваш вкус. И представьте ребенка, который берет его, не зная даже простейших правил — как его держать, что им делать. Какова вероятность, что он порежется?

Селестина сморщила нос, пример явно ей не понравился.

— Большая.

— Конкретнее.

Девушка страдальчески вздохнула.

— Девяносто три процента.

Кассиан оперся о стол, глядя на ученицу сверху вниз.

— Обоснуйте.

Селестина откинулась на спинку кресла.

— Стопроцентной вероятности не существует, а еще шесть заложим на то, что взрослые заметят нож раньше, чем ребенок порежется.

Кассиан кивнул, принимая ее вольную трактовку. Селестина принялась крутить в руках карандаш.

— И все же я не понимаю, если я ребенок с ножом, как вы можете научить меня им пользоваться, если сами никогда не держали его в руках.

— Как вы догадались?

Она неопределенно повела плечом.

— Интуиция, — заметив его скептический взгляд она продолжила с раздражением, — Вы никогда не показывали свой дар, не приводили себя в пример. И... Не знаю как объяснить.

Кассиан одобрительно кивнул:

— Возможно, ваша способность позволяет вам ощущать дар других людей. Я, как вы выразились, не держал нож в руках сам, но я множество раз видел как пользуются разными ножами. Я много читал о ножах, изучал их со всех доступных сторон. Если вы начнете применять мои советы, вероятность того, что вы порежетесь намного меньше.

Девушка посмотрела на него с сомнением, но спорить не стала. Кассиан надеялся, что ему все же удалось донести до нее свою мысль.

Глава 4. Сен-Мишель

28 сентября 1896 г. Поместье де Ларош

Лето прошло удивительно быстро.

После засушливого июля зарядили грозы — небо чернело так стремительно, что в библиотеке приходилось зажигать лампы даже днем. Кассиан сидел у окна, слушал, как вода стекает по старым водосточным трубам, и думал о том, что этот гром, наверное, слышно даже в Париже. В такие дни Селестина была тише обычного — она находила какое-то странное удовольствие в грозах, то и дело отвлекаясь на окно и радостно улыбалась, когда яркие молнии расчерчивали небосвод.

На занятиях они углубились в физику и Кассиан пообещал ей привезти из Парижа приборы, чтобы изучать электричество наглядно, не дожидаясь непогоды.

К началу сентября они почти нашли общий язык. Конечно, Селестина все еще огрызалась, могла прийти на урок с кислой миной, но теперь она даже искренне улыбалась, когда получалось решить особенно сложную задачу.

Иногда она брала Кассиана с собой в деревню — каждые две недели они ездили на станцию. Арно забирал почту, отправлял отчеты, пока Григорий демонстрировал, на что способен его старый самовар. Селестина старалась больше не подавлять Дар зрителя — теперь это удавалось ей легче, хотя каждый раз девушка бледнела и надолго замолкала. Но она держалась, и Кассиан удовлетворенно кивал, ловя ее напряженный взгляд.

Еще Кассиан привык к тому, как Рени называл Селестину «Тити» и подшучивал на каждом шагу. Привык и к тому, как Кристина мягко успокаивала порой излишне громкого конюха.

К концу сентября Кассиан перестал считать дни. Это было странное ощущение, в Париже вся его жизнь измерялась четким расписанием. Поместье же жило по своим правилам — просыпалось с криками петухов и перезвоном утреннего колокола, в одно и то же время подавали завтрак, обед и ужин, всегда находились полчаса на чай. Жан де Ларош постоянно куда-то выезжал на своей старой телеге или до поздней ночи пропадал в кабинете в компании жены, которая читала Гюго или де Мюссе, следя за тем, чтобы муж не опаздывал к ужину.

Почти каждый вечер Кассиан видел, как Селестина перелезала через ограду в поле и возвращалась с букетом полевых цветов для Кристины, во флигеле зажигалась тусклая лампа, и пока горизонт не окрашивался в темно-синий, оттуда доносилось пение или тихий смех.

В этой размеренной жизни было нечто успокаивающее.

В последний понедельник сентября за ужином собрались все.

Стол был накрыт на пятерых — к обычной компании присоединилась Кристина, которую Элоиза пригласила остаться.

Кассиан сидел на своем обычном месте, напротив Селестины, и смотрел, как Элоиза разливает суп — это дело она не доверяла никому. Над столом витал запах свежего хлеба и зелени. От камина разливалось приятное тепло, но по полу уже гуляли робкие сквозняки.

— Ну что ж, завтра Сен-Мишель, — сказал Жан, откладывая ложку. — У нас в деревне гуляния. Селестина, наверное, уже все уши вам прожужжала, месье Арно?

— Ни слова, господин барон, — ответил Кассиан, удивленно взглянув на девушку.

Она сделала вид, что поглощена супом.

— Ну, значит, я расскажу. — Жан усмехнулся. — Праздник нашего прихода. Утром служба, а после обеда у мэра во дворе столы накрывают, музыку играют. Кто хочет — приходит, кто не хочет — сидит дома. Но мы обычно ходим.

— А в Париже этот день не отмечают, — сказал Кассиан, чувствуя, что его слова звучат немного нелепо.

— В Париже много чего не отмечают, — сухо заметила Элоиза, — а у нас принято чтить традиции.

Селестина подняла голову.

— Будет не только стол, а что-то вроде ярмарки, — сказала она, оживляясь. — Рени будет кидать кольца. И, — она чуть понизила голос, — Кристина обещала принести пироги.

— Я обещала, если мне никто не помешает их испечь, — поправила Кристина с легкой улыбкой.

— Я просто стояла рядом.

— И куда-то пропала половина начинки.

— Нельзя же класть начинку не проверив ее на вкус, — Селестина вздохнула, словно ей приходилось объяснять нечто очевидное.

Кассиан поджал губы, пряча улыбку, а Жан разразился смехом, но быстро замолчал под строгим взглядом жены и неловко кашлянул.

— Вы не пойдете, месье? — торопливо перевела тему Селестина.

— Служба в семь, — добавила Элоиза. — Если пожелаете.

— Благодарю, мадам. Но у меня много работы.

Элоиза кивнула, будто другого ответа не ждала, и настаивать не стала.

— Я собирался работать над диссертацией, — дипломатично добавил Кассиан, — но если успею закончить к началу праздника...

— Вы всегда говорите «если». Это не точный ответ, месье Арно, мне бы вы такой не зачили, — разочарованно протянула Селестина.

— Не зачел бы, — спокойно согласился Кассиан, с удовлетворением отмечая, как недовольно она нахмурилась.

По правде говоря, он не хотел ехать в деревню — шумные праздники никогда его не привлекали, и в Париже он соглашался на авантюры своего приятеля Анатоля крайне редко, и только потому, что репутация в обществе строилась на полезных знакомствах, которые даже в Министерстве не всегда удавалось завязать. Здешнее же общество его не вдохновляло. С другой стороны, отказывать было бы слишком грубо.

— Месье Арно, — Кристина повернулась к нему, — так вы будете завтра на празднике?

— Да, — сказал Кассиан после короткой паузы.

Селестина одобрительно кивнула и вернулась к еде. Оставалось надеяться, что это приглашение было лишь вежливостью и мадемуазель не готовила ему какую-то глупую ловушку. Но верилось с трудом.

Утро праздничного дня выдалось солнечным и прохладным.

Кассиан поднялся затемно, как всегда. Умылся, оделся, спустился в библиотеку. Селестина уже сидела на своем месте — волосы были непривычно убраны в аккуратную прическу с завитой челкой, которая делала ее лицо еще более юным. В комнате витал едва ощутимый запах ладана. Мадемуазель, видимо, только вернулась с утренней службы и выглядела необычайно бодрой.

Они быстро пролистали выполненные задания. Селестина все решила верно, даже без обычных творческих трактовок.

— Приемлемо, — сказал Кассиан, закрывая тетрадь.

Она приподняла бровь.

— Я же все правильно сделала.

— Я не хвалю за то, что должно быть по умолчанию, мадемуазель.

Она фыркнула.

— Вы невыносимы.

— Это моя работа.

Кассиан достал из портфеля сложенный лист бумаги и положил перед девушкой.

— Список заданий на каникулы. Здесь не много для двух недель, но, думаю, вам хватит, чтобы закрепить материал.

Селестина взяла лист, пробежала глазами и вытаращилась на учителя так, будто он сообщил ей об обрушении Эйфелевой башни.

— Вы шутите?

— Ни в коем случае.

Кассиан изо всех сил пытался сохранить спокойное выражение лица, но ехидная улыбка против его воли появлялась на губах, и он отвернулся, возвращаясь на свое место. Селестина тем временем продолжила:

— Я думала, у меня будут каникулы! Знаете, отдых от учебников, никаких задач. Нормальные люди это называют, кажется, ммм... отдыхом?

Кассиан позволил себе зажмуриться, наслаждаясь ее возмущенным тоном.

— Мадемуазель, если вы хотите поступить в Академию, отрываться от учебы будет непростительной роскошью. Тем более здесь не так уж и много.

Селестина шумно втянула воздух и скептически посмотрела на список.

— Наказываете меня. Пока сами будете развлекаться в Париже, — в ее голосе послышалось наигранное презрение.

Кассиан усмехнулся, но решил сжалиться над ней в честь праздничного дня.

— О да, развлечения меня ждут незабываемые: отчеты, встречи с профессорами, работа над диссертацией.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Даже в дом терпимости не зайдете?

Кассиан едва не поперхнулся, а Селестина наивно надула губы.

— Что вы себе позволяете? — Он сжал пальцы под столом, напоминая себе о правилах приличия.

Девушка простодушно пожала плечами.

— Можете не признаваться.

Кассиан медленно выдохнул, считая в уме от семи.

— Мадемуазель, я надеюсь, вы понимаете, что этот вопрос неуместен.

— Почему? — она склонила голову, изображая искреннее недоумение. — Я просто пытаюсь понять, как развлекаются люди в Париже. Вдруг мне это пригодится в будущем?

— Вам это не пригодится. И, пожалуйста, воздержитесь от подобных вопросов.

— Хорошо, — легко согласилась она, но в глазах ее плясали озорные огоньки.

Семь, шесть, пять. Бросить в мадемуазель бронзовый подсвечник все еще было недопустимо.

— Благодарю, — сдержанно ответил он, чувствуя, как немеют сжатые пальцы. — Если вопросов больше нет, урок окончен.

Она поднялась, деловито поправляя несуществующие складки на подоле, и, сделав легкий реверанс, покинула библиотеку. Не успела дверь захлопнуться за ее спиной, как Кассиан услышал удаляющееся хихиканье.

Арно просидел еще несколько минут, наблюдая, как кружится пыль в солнечном треугольнике на полу, и растер лицо ладонями. До начала праздника нужно было успеть поработать. Он раскрыл папку с диссертацией. Вступление и первые главы были уже готовы, но формулировки не поддавались, и написать что-то большее, чем несколько предложений, ему не удалось.

То ли сказался недосып, вызванный ночными сквозняками, то ли вульгарная шутка Селестины сбила его с толку.

Через час он понял, что продвинулся только на три невнятных предложения.

«Невозможно», — подумал он, закрывая папку.

Он сдался. Взял сюртук, спустился во двор и вышел к старому фонтану.

Солнце стояло высоко, но не припекало — на фоне чистого голубого неба золотились верхушки деревьев. Воздух пах прелыми яблоками и мокрой травой.

Он заметил Кристину — та вышла из флигеля в аккуратном голубом платье. Было непривычно видеть ее без чепчика: белокурые волосы собраны в тугую тяжелую косу, подхваченную лентой в цвет наряда. Она вела за руки обоих сыновей, наряженных в чистые праздничные рубашки. Пятилетний Серж гордо нес себя, оглядывая округу, словно маленький землевладелец, трехлетний Луи таращился по сторонам и цеплялся за руку матери. Селестина шла рядом, в шерстяном платье цвета осенней рябины, на ее голове, вместо шляпки, горел венок из желтых листьев.

— Месье Арно! — крикнул Серж, вырываясь вперед. — Вы тоже идете? Будете с нами играть?

— Посмотрим, — ответил Кассиан со сдержанной улыбкой и кивнул Кристине. — Мадам, праздничный день вам к лицу. — Заметив, как вытянулось лицо Селестины, он добавил: — Вам обеим.

Кристина смущенно улыбнулась, поправила воротник старшего сына. Селестина прищурилась с легким подозрением. Видимо, она хотела сказать очередную колкость, но в этот момент донесся цокот копыт вперемешку с перезвоном, и на площадку выехала повозка.

На хомутах висели сушеные яблоки. На сбруе кобыл, среди цветных лент, звенели маленькие золотистые бубенчики. Внутри стояли корзины с пирогами и кувшины с сидром, небрежно накрытые льняной тканью.

Рени гордо восседал на козлах. Он тоже принарядился — чистый жилет с блестящими пуговицами, светлая рубашка, кепи, пижонски надвинутое на глаза. Увидев их компанию, он расплылся в улыбке и снял его, прижав к груди с театральным поклоном.

— Прошу, мадам и месье! Ваша карета подана!

Серж радостно хлопал в ладоши, а Луи спрятался за юбкой Кристины.

Селестина подошла ближе, оглядывая бубенцы на сбруе.

— И где ты их стащил?

Рени обиженно скривил губы.

— Сташил... Я их на станции нашел. Старые, но звонкие. Григорий сказал, так лошадей наряжают, чтобы злых духов отгонять. Я подумал, нам на праздник пригодится.

Они с Селестиной обменялись многозначительными взглядами. Кассиан не понял, что это могло значить, но решил не забивать голову.

— А где мадам и месье барон? — спросил он.

— После службы остались в деревне, — ответила Селестина, легко запрыгивая в повозку, опираясь на галантно подавшего руку конюха. — Нужно закрыть дела с арендаторами. Так что они уже у мэра.

— А господин барон знает, что вы сделали с повозкой?

Рени хитро подмигнул.

— Месье Арно, сегодня же праздник, к чему такие вопросы?

Селестина похлопала по месту рядом с собой.

— Садитесь, месье Арно. Не заставляйте нас ждать.

Кассиан вздохнул и покорно забрался на свое место. Рени щелкнул вожжами.

Повозка тронулась, и лошади быстро понесли их за ворота под озорной перезвон. Мелькали убранные поля, сменяясь золотистыми рощами. Дорога вилась между холмов пыльной лентой.

В деревню они влетели под громкий лай собак. Звон бубенцов привлек всеобщее внимание — то тут, то там на дорогу выбегали люди, желая посмотреть на нарядный экипаж. Селестина, словно императрица, приветственно махала рукой в шерстяной перчатке под одобрителный свист Рени.

Так они подъехали к большому светлому дому мэра.

Двор был заставлен длинными столами, накрытыми белыми скатертями. Пироги, кувшины с сидром, круглые головки сыра, миски с яблоками и грушами — всего было в изобилии. В центре стола возвышался румяный поросенок с яблоком в зубах. На вертеле шипела баранина, распространяя запах, смешанный с мятой и чесноком. Мэр — пожилой, но еще крепкий мужчина с пышными усами — переговаривался с Жаном, поправляя праздничный жилет.

Кассиан спрыгнул с повозки, едва сумев удержать равновесие. Рени высадил пассажиров прямо у крыльца и подал руку Кристине, помогая сойти ей и мальчикам. Селестина, уже успевшая оказаться на земле, кружилась на месте, разглядывая украшенные гирляндами дворы.

— Селестина, перестань вертеться, — Элоиза возникла из толпы, отряхивая руки.

— Бросьте, тетушка. Разве нельзя радоваться?

Мадам подошла к племяннице, мягко поправила съехавший на затылок веноч.

— А вот и молодежь! Идемте к столу, — позвал Жан, подходя к ним. — Все готово, пора начинать.

Кассиан остановился чуть в стороне, наблюдая за суетой. Дети бегали по двору с деревянными мечами и палками. За одним из столов пожилая женщина пыталась успокоить внука, который отказывался сидеть на месте. На крыльце расположились музыканты — молодой мужчина неторопливо крутил ручку колесной лиры, рядом совсем юная девочка в свободном платье подыгрывала ему на флейте.

Элоиза пересекла двор и скрылась за калиткой соседнего дома. Кассиан проводил ее взглядом и почти сразу увидел, как к ней подошла женщина с маленьким ребенком на руках — малыш плакал, и мать что-то взволнованно говорила, глядя на баронессу.

Элоиза наклонилась к ребенку, что-то спросила. Потом протянула руку, положила ладонь на лоб малыша. Кассиан видел, как женщина замерла, как напряглись плечи. Ребенок перестал плакать, удивленно таращась на нее.

Селестина, заметив взгляд Кассиана, тихо сказала:

— Она всегда так делает.

— Мадам лечит местных?

Селестина кивнула и скрестила руки на груди, отводя взгляд.

— В деревне постоянно что-то случается, и если бы не тетушка, не представляю, что бы тут было.

Мэр тем временем громко захлопал в ладоши, приглашая всех сесть за стол. Элоиза и Жан сели рядом. Селестина тут же последовала к ним, занимая место по правую руку от тетушки. Кассиан сел напротив.

Мэр поднялся, держа в руках большую кружку и повернулся к дальнему концу стола.

— Месье кюре⁴, благословите.

Со скамьи поднялся сухой старик в порывившей от времени сутане. Кассиан заметил его только сейчас — все это время тот сидел среди деревенских, зажатый между Полем и сторбленной старухой. Двор притих. Даже дети перестали бегать.

Кюре перекрестил стол.

— *Benedic, Domine, nos et haec tua dona, quae de tua largitate sumus sumpturi...*

«Благослови, Господи, нас и эти дары Твои, которые по щедрости Твоей мы вкушать будем». Кассиан перевел машинально. В приходской школе эти слова вбивались в детей линейкой.

— ...*Per Christum Dominum nostrum.*

— Аминь, — нестройно отозвался двор.

Вокруг крестились. Жан — широко, неторопливо, Элоиза — едва заметно. Кристина взяла руку Луи и помогла ему сложить пальцы. Кассиан сидел неподвижно, сцепив руки под столом. Селестина подняла на него глаза, но ничего не сказала.

Кюре опустил на скамью и тут же потянулся к кувшину.

— Говори, говори, — махнул он мэру, — а то баранина остынет.

Мэр кивнул.

— Собрались мы сегодня в день святого Михаила, покровителя нашего, — день, когда говорят «спасибо» земле за ее щедрость. Она подарила нам хлеб, яблоки, виноград и все, что мы положили на этот стол. Благодарю каждого, кто работал на этой земле, кто вставал с петухами и ложился после заката. Пусть в новом году урожай будет щедрее, а дожди — вовремя. За землю! За наш хлеб!

Он поднял кружку и отпил. Гости подняли свои с одобрительным шумом. Кюре отпил, кажется, больше мэра.

Жан тоже поднялся, сделал глоток и посмотрел на Селестину с теплотой. Она подняла свою кружку, поддерживая тост.

Когда музыка заиграла громче, дети с криками побежали в центр, за ними стали подниматься и многие взрослые. Серж подошел к Селестине, важно выпрямился и деловито кашлянул.

— Мадемуазель, вы позволите пригласить вас?

Селестина с улыбкой ответила на поклон и поднялась. Мальчик пытался вести ее как настоящий кавалер, но в силу возраста удавалось это с трудом; Селестина тактично подстраивалась под его шаги, чуть приподнимая его над землей во время па.

Кассиан наблюдал за ней, и в его голове удивительно не складывалась эта девушка с именем де Вальмон, за которой так пристально следит Министерство. Да и с клеймом дочери предателей она не вязалась. Он провел рукой по волосам, приглаживая их, и снова потянулся к кружке. Лучше такими вещами себе голову не забивать.

Он оглядел двор и заметил, как Рени подошел к стоявшей в стороне Кристине и подал руку. Та с удивлением взглянула на него, смущенно улыбнулась и кивнула. Смотрелось это

⁴ Кюре — это католический приходский священник во Франции, Бельгии и некоторых других франкоязычных странах.

довольно комично — Рени был ниже партнерши почти на голову, но вел уверенно, заставляя ее кружиться так, что лента в косе висла на ветру.

Кассиан не танцевал, вежливо игнорируя подходящих девушек. Он смотрел на детей, которые носились между танцующими.

— Вы не заскучали, месье Арно?

Кассиан обернулся. Над ним стоял Жан де Ларош с двумя кружками сидра в руках. Одну он протянул Кассиану.

— Здесь конечно не Париж, месье. Да и вряд ли в столице бывает так весело.

— Ну почему же, — сказал Кассиан. — В Париже часто танцуют, да и приемов каждый вечер достаточно.

Жан взглянул на него с хитрецей и опустил рядом.

— Вам виднее. Я вот давно в столице не бывал, да и не сказать, что жалею об этом.

Кассиан отпил сидра, глядя на танцующих. Праздник шумел — музыка, смех, дым от факелов, которые уже начали зажигать в сгущающихся сумерках, и было в этом что-то, чему он не находил названия. Эта жизнь совсем не походила на сверкающие вечера Парижа, но, несмотря на простоту, и даже бедность, которую не могли скрыть чистые сорочки и праздничные скатерти, он не чувствовал безысходной тоски, как в знакомом восемнадцатом округе.

— Я не жалею, что приехал, — сказал он негромко.

Жан поднял бровь.

— Вот уж от вас не ожидал такое услышать.

Кассиан промолчал. Кисловатый сидр не обжигал горло, по телу разлилось тепло. Жан рассмеялся, похлопал его по плечу и ушел к столу, где мэр и Поль уже ждали с кувшином.

Селестина опустила Сержа на землю, и тот, раскрасневшийся и счастливый, побежал к матери. Сама девушка обернулась, поправила венок и встретила взглядом с Кассианом. Она улыбнулась — широко и открыто. Он поднял кружку в безмолвном тосте. Девушка кивнула и вновь скрылась в толпе танцующих.

Кассиан сделал еще глоток. Кружка уже почти опустела, а солнце начало клониться к закату. Факелы горели в полную силу, и тени затанцевали по стенам домов.

Мэр снова поднялся, призывая всех к тишине.

— За тех, кого нет с нами. За тех, кто работал на этой земле до нас. Упокой, Господи, их души!

Кюре перекрестился, за ним — весь двор. И на мгновение воцарилась тишина. Жан выдохнул и опустил голову. Кристина прижала к себе сыновей, и на миг Кассиану показалось, что на ее глаза навернулись слезы.

Но долгой грусти не было места на этом празднике. Начались игры — Рени и еще несколько парней вбили в землю длинные колышки.

— А теперь, — громко объявил мэр, — потеха для гостей! Кто попадет в самый дальний — получит приз!

Первый бросок сделал сам Рени — кольцо с глухим стуком нанизалось на ближний колышек, и народ одобрительно зашумел. Следом вышли двое парней, но оба мазали.

— А вы не хотите попробовать, месье Арно? — голос Селестины раздался совсем рядом.

— Что, простите?

— Я говорю, не хотите показать свою меткость? — она подошла ближе, и в свете факелов ее глаза блестели янтарем.

— Я не настолько хорошо владею кольцами.

— Ну что вы, месье, — она притворно вздохнула, — неужели вы боитесь проиграть простому конюху?

Рени, услышав ее, выкрикнул издалека:

— Давайте, месье, покажите, на что способен образованный человек!

Кассиан вздохнул и снял сюртук, протягивая его Кристине, которая с улыбкой приняла его.

— Удачи, месье.

Первое кольцо пролетело мимо, ударилось о кол и откатилось в сторону. Толпа засмеялась. Второе зацепило самую крайнюю цель, но тоже отскочило.

— Ну, месье Арно, — раздался звонкий голос Селестины, — вы можете лучше!

Он обернулся. Девушка стояла в круге света, сложив руки на груди.

— А вы сами, мадемуазель, умеете?

Казалось, она только этого и ждала. Не говоря ни слова, сняла с головы венок, примерилась и коротким, резким движением бросила.

Венок точно сел на самый дальний колышек.

Толпа взорвалась одобрительными криками. Селестина пожала плечами с наигранной скромностью и подарила ему самую ехидную из своих улыбок.

Кассиан выдохнул. В руке у него оставалось последнее кольцо. Он прищурился, прислушиваясь к ощущению в запястье. Было странно — за годы работы он почти забыл, что когда-то был мальчишкой, который мог попасть камнем в цель с двадцати шагов.

Кольцо лишь щелкнуло по колышку и со звоном отскочило.

— В следующий раз я принесу гирлянду, чтобы было честнее, — сказала Селестина, подходя к нему. — Вы не обиделись, месье?

— За что?

— Я вас переиграла.

— О, я постараюсь это пережить.

Она засмеялась, и в этот момент Рени громко объявил нового участника — Поля, который неуклюже, но с неожиданной меткостью забросил кольцо на средний колышек.

Кассиан и Селестина остались стоять в стороне, у края освещенного круга.

— Вы сегодня улыбаетесь, даже похожи на живого человека, — заметила она.

— Это все сидр.

— Или вам нравится наше общество.

Кассиан поднял кружку, делая вид, что не расслышал. Она не стала настаивать, лишь улыбнулась краешком губ.

— Я рада, что вы пришли, — сказала она тихо, почти неразборчиво.

Кассиан сделал вид, что не расслышал и этого.

Начались новые забавы. Когда совсем стемнело, зажгли фонари, и кто-то начал играть на аккордеоне. Григорий гордо водрузил самовар на стол и под одобрительный свист разжег огонь. Кристина принимала похвалы от деревенских за свои пироги и смущенно краснела.

Праздник начал затихать, когда луна уже поднялась над крышами.

Селестина подошла к Кассиану и мягко коснулась его локтя.

— Пора. Дети устали, да и нам завтра вставать рано.

Сборы заняли не больше десяти минут. Повозка ждала у калитки. Все расселись: Рени на козлах, рядом с ним Жан, Кристина между корзинами с Луи на коленях, Элоиза придерживала Сержа, Селестина заняла место рядом с Кассианом.

Всю дорогу обратно молчали. Усталость, прохлада и тихий стук копыт действовали усыпляюще. Звезды над головой казались ближе, чем в городе.

Они въехали во двор поместья. Кристина ушла во флигель укладывать детей. Элоиза и Жан направились в дом, пожелав всем доброй ночи.

Селестина задержалась, на краткий миг залюбовавшись звездами.

— Доброй ночи, — сказала она, скрываясь в доме.

Двор был почти темен — только в доме горел одинокий свет в гостиной, да во флигеле зажглась лампа.

Кассиан поднялся к себе, чувствуя, как усталость разливается по телу. Первой мыслью было отложить записи на завтра, но, поборов слабость, он тяжело опустился за стол.

Ночь была ясной, луна поднялась высоко, освещая комнату холодным серебряным светом. Внезапно Кассиан услышал за окном голоса. Прислушался — внизу кто-то переговаривался.

Он осторожно встал и едва заметно отодвинул занавеску.

Во флигеле горел тусклый свет. Желтая полоса падала на ступени, где застыла маленькая фигурка в темном плаще. Дверь флигеля приоткрылась шире и на пороге появилась Кристина с лампой в руках. В маленькой фигурке Кассиан узнал свою ученицу. Девушки переговорили, и Селестина показала ей что-то, что прятала под накидкой. Кристина оглянулась на дом и вышла, осторожно закрыв дверь. Они неторопливо двинулись вдоль ограды.

Кассиан нахмурился.

Он понимал, что это не его дело. Девушки могли захотеть провести время вдвоем, ничего особенного. Он уже собирался закрыть занавеску и лечь спать, но что-то не давало ему покоя.

В том, как оглядывалась на спящий дом Кристина, в том, как бережно Селестина несла свою ношу — к чему такая осторожность?

Внезапная мысль пронзила сознание.

«Кадущей»

«Что, если они вышли на нее?»

Профессор Мальзерб предупреждал его об этом. Если Академия узнала о ней — могли узнать и другие. От этой мысли скрутило живот.

Кассиан колебался всего мгновение. Он выскользнул из комнаты, бесшумно спустился по лестнице и вышел в сад, держась вдоль стены, в тени. Девушки направлялись к конюшне. Селестина толкнула дверь. Мелькнул свет — внутри уже кто-то был. Кассиан прижался к стене, прислушиваясь.

«Могли ли предатели найти ее раньше, чем министерство узнало о ней? Конечно могли. Кадущей оплетал всю Францию, и даже выходил за ее пределы. Селестина нужна им не меньше, а если подумать, даже больше, чем министерству. К тому же...» — от внезапного осознания его затрясло — «ее родителей казнили как раз по обвинению в пособничестве предателям. Что, если она попала под их влияние еще до того, как служители короны нашли ее?»

Сердце бешено колотилось. Преодолевая подступающую тошноту, он подобрался к щели между досками и заглянул внутрь

Рени зажигал лампу с выражением мрачного торжества на лице, Кристина опустилась на колени, поправляя разбросанные на сене подушки, а Селестина как раз достала из-под плаща красноречиво звякнувший сверток.

По мутно-зеленому стеклу скользнули тусклые отсветы ламп. Вино.

Кассиан моргнул и едва не рассмеялся от нахлынувшего облегчения. Кадущей, ага. Видимо, он действительно перебрал на празднике. Страх, душивший его несколько минут назад, показался ему таким идиотским, что стало стыдно. Он уже хотел отойти, как вдруг заметил, что Селестина подняла голову и посмотрела прямо на него.

— Месье Арно, — сказала она с усмешкой, — подглядывать вообще-то неприлично.

Кассиан замер.

Рени расхохотался, вскочил на ноги и убежал из конюшни.

— О! Вот это сюрприз! Месье Арно, проходите, раз уж вы нас нашли!

Кассиан выпрямился, чувствуя себя неловко и глупо одновременно, и вошел внутрь.

— Прошу, не стесняйтесь! Места всем хватит, а вина — тем более.

Селестина скрестила руки на груди.

— Вы за нами следили?

— Я... — Кассиан впервые не знал, что ответить.

Да, мадемуазель, я следил, потому что заподозрил вас в связи с заговорщиками и хотел убедиться, что вы не одна из них?

Он почувствовал, как кровь прилила к лицу, и надеялся, что в полумраке этого никто не заметит. Его спас все тот же Рени, подтолкнувший на подушки.

— Присаживайтесь, месье. Теперь вы наш соучастник! Смотрите, не проболтайтесь мадам.

Кассиан опустился на подушку. Рени тут же сунул ему в руку бутылку.

— Я уже пил сегодня.

— Пару раз глотнули сидра... Месье, это не серьезно, — протянула Селестина, разливая вино в жестяные кружки.

Кассиан хотел было отказаться, напомнив им, что утром всех ждет работа, а ему на рассвете нужно уже быть на станции. Но сил на сопротивление не было. Вино было терпким, чуть сладковатым — хорошее, явно из запасов Жана.

— Ну и зачем вы все это затеяли?

Рени откинулся на солому, заложив руки за голову.

— Это наша маленькая традиция. У нас тут не-Парижский салон. Пьем вино, обсуждаем насущное.

— И часто вы так собираетесь?

— Не так часто, чтобы слушать нотации, месье, — девушка подтянула ноги, усаживаясь по-турецки. Кассиан заметил, что она успела переодеться в бриджи и шерстяную рубашу. Он взглянул на Кристину в поисках поддержки, но та отвела глаза, сделав вид, что ее это не касается.

— Да расслабьтесь, месье, сегодня праздничная ночь, — в голосе Рени слышалось предвкушение. — Хотите жуткую историю послушать, про стиральщиц на мельнице?

— Ой, не надо, ее даже Луи не испугается, — поморщилась Кристина. — Расскажи лучше про овраг.

Рени приподнялся на локте, понижая голос до таинственного шепота.

— Совсем гостя не жалеешь, ну ладно. За станцией есть старый овраг, его с дороги не видно. Григорий, когда только обосновался, слышал звуки оттуда странные. То ли свист, то ли плач. И всегда в одно время — после ухода последнего поезда и до полуночи.

Селестина едва заметно подалась вперед, Кристина нервно накручивала прядь на палец.

— И как-то он решил посмотреть. Взял ружье, пошел по тропинке за старые дубы.

— И? — Селестина сжала кружку.

— Он мне так и не сказал, что увидел. Только вернулся без ружья и поседевшим. А когда я спрашивал, повторял одно.

Рени выдержал драматическую паузу.

— Les bêtes noires.⁵

Кристина выдохнула и налила себе еще.

— Бред, — сказал Кассиан.

— За что купил, за то и продал, — конюх развел руками.

— А в Париже есть призраки? — спросила Селестина. — Наверняка в катакомбах их тучи.

Кассиан пожал плечами. Сбором суеверий он никогда не занимался.

— А вас что может испугать, месье Арно? — внезапно спросила Кристина.

— Ничего, наверное, — задумчиво протянул он.

— Да бросьте, все чего-то боятся. Хотя бы пауков. Или призраков, — недоверчиво фыркнула Селестина.

⁵ Bête noire (фр. букв. черный зверь)

— Ну, — усмехнулся Рени. — Тут я с Тити согласен. Уверен, встретиться вам что-то эдакое, вы б запищали как ребенок.

Кассиан тут же подобрался.

— Что ты сказал?

Рени вздернул подбородок, не отводя наглого взгляда.

— А что, разве нет?

Внезапно Селестина подалась вперед, вклиниваясь между мужчинами.

— А зачем спорить? Сегодня луна на убыли.

Рени тут же выпрямился.

— Точно, старая баронесса! Предлагаешь ее навестить?

— Только если месье не боится...

Кассиан перевел взгляд с конюха на Селестину и понял, что его только что развели.

— Вы серьезно? Хотите пойти на кладбище ночью, искать призрака?

Селестина улыбнулась.

— Так вы все-таки испугались?

— Я не боюсь призраков, мадемуазель. Но не собираюсь объяснять мадам, почему ее племянница оказалась на кладбище ночью.

— Ну, раз так, — усмехнулся Рени, — мы сами сходим, а вы можете подождать здесь. Я принесу вам трубку старухи как сувенир.

Селестина засмеялась, с восторгом взглянув на друга. Он подмигнул в ответ и оглянулся на Кристину. Та замотала головой.

— Это точно без меня.

Кассиан поджал губы, чувствуя, как в груди закипает. Стоило отчитать их обоих и отправить спать. Но даже притащи он сейчас Селестину в ее комнату насильно — она вылезет в окно и все равно сбежит с этим дураком. Кассиан сделал еще глоток вина и решительно поднялся.

— Ладно. Идем.

Дорога до кладбища шла через яблоневый сад, минуя поле и поворачивая к старому лесу. По пути они молчали. Луна скрылась за тучами, и тусклая лампа Рени выхватывала из темноты лишь тонкую нить тропинки. Где-то вдалеке ухнула сова, и Кассиан почувствовал, как Селестина на мгновение замедлила шаг — ее рука коснулась его локтя и снова отстранилась.

Рени шел впереди, тихо насвистывая.

Ворота кладбища были низкими, коваными, с проржавевшей калиткой. Компания остановилась в тени тополей. Могильные плиты вырисовывались из темноты. На краю кладбища возвышался каменный склеп де Ларош.

— Ну и где старуха?

— Подожди, — Рени понизил голос, — нужно погасить лампу.

Свет мягко погас. Луна вышла из-за туч и ее свет выхватывал из темноты их побелевшие лица. Холодный ночной воздух пробирался под одежду.

Рени знаком показал идти за ним. Они осторожно миновали ряды надгробий и приблизились к склепу, от которого веяло неестественным холодом. Дверь была приоткрыта.

Рени юркнул за угол. Селестина и Кассиан последовали за ним и прижались к стене.

Резкий скрип двери прорезал тишину. Кто-то вышел из склепа.

Селестина зажала рот рукой. Кассиан не видел, кто стоял за углом, но в воздухе появился запах табака.

Селестина вцепилась в его запястье. Он сделал еще полшага вперед, заслоняя ее. Невысокая сгорбившаяся фигура в светлом одеянии медленно плыла между могил. Внезапно она остановилась. Никто не шевелился.

Вдруг фигура резко дернулась и захрипела.

— Бежим, — сдавленно прошипел Рени и рванул к ограде.

Кассиан схватил Селестину за руку. Они бежали, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и камни. Лампа осталась валяться у склепа.

Паровоз издал длинный гудок. Вагон вздрогнул и медленно двинулся вперед. Кассиан сквозь опущенные ресницы наблюдал, как мимо проплывает станция, сменяясь густыми лесными зарослями, окрашенными во все оттенки рыжего.

Он сполз на сиденье — в висках пульсировала тупая боль. Еще с утра, выпив половину кувшина ледяной воды, он зарекся прикасаться к вину. Да и к сидру тоже.

Ночное приключение не прошло даром — они бежали до самого дома, изредка останавливаясь перевести дух. Он сжимал ладонь Селестины почти до онемения пальцев и отпустил ее только у конюшни. К тому моменту небо уже светлело, и ужас начал постепенно отпускать.

Он до сих пор жалел, что сдержался и не двинул Рени между глаз. Каким идиотом нужно было быть, чтобы влезть в их авантюру.

Нет, никакого больше вина. Никогда.

За окном проплывали поля, сменяясь редкими перелесками. Солнце уже поднялось выше, разгоняя утренний туман.

Кассиан думал о том, что завтра к вечеру будет в Париже. Назначит встречу с профессором Мальзербом, сдаст отчеты, погрузится в привычный мир книг и официальных приемов. Он не удержался от смешка, представив лицо Анатоля, узнай тот, что Кассиан Арно, упившись вином, в компании конюха и взбалмошной девицы убегал от местного призрака по лесам, как дикий заяц.

Призрака. Это казалось таким бредом при свете дня. Но размышлять об этом не было сил. Кассиан закрыл глаза. В памяти всплыла фигура, плывущая между надгробий. Но этот образ сменился следующим, а за ним еще. Кассиан задремал, и во сне перед ним в калейдоскопе мешались яблоневые сады, гроза за окнами библиотеки, русский самовар, голубая лента Кристины и наглые медовые глаза.